

АНДРЕЙ
ПАУЛЬ

БАЛТИЙСКИЕ СЛАВЯНЕ

ОТ РЕРИКА
ДО СТАРИГАРДА

Андрей Пауль
Балтийские славяне. От Рерика до Старигарда
Серия «Начало Руси»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11814984
Балтийские славяне: от Рерика до Старигарда. / Андрей Пауль: Книжный мир; Москва; 2016
ISBN 978-5-8041-0799-5

Аннотация

Исследование Андрея Пауля представляет собой первую попытку написания истории одного из самых загадочных и значительных западнославянских племён – ободритов. Эта уникальная славянская ветвь была практически полностью ассимилирована германскими племенами уже в позднем средневековье. Наследие, оставленное ободритами в Германии, огромно – это немалый вклад и в этногенез современных северных немцев, и в сложение балтийской морской торговой сети, ставшей предшественницей знаменитого Ганзейского союза. Значительный вклад внесли ободриты в историю Дании и Восточной Европы, в том числе немаловажна их роль и для эпохи становления Древней Руси.

Несмотря на то, что потомки ободритских князей правили северонемецкими княжествами вплоть до начала XX века, их история уже в конце XIX века начала подвергаться фальсификациям и замалчиванию со стороны ультра-националистических кругов немецкого общества. Лишь после Второй Мировой войны изучение славянского наследия Германии приняло научный и беспристрастный характер. С тех пор в бывшей ГДР и современной ФРГ вышли многие сотни научных работ, посвящённых исследованию их истории и культуры. Археологам, лингвистам и источниковедам удалось установить неожиданно высокий уровень культуры и влияния южнобалтийских славян на немалых пространствах северной и центральной Европы.

Однако история ободритов до сих пор остаётся практически неизвестной русскоязычному читателю. Исправить эти недостатки и попытался автор этой книги, составив историю ободритов на основании доступных на сегодняшний день материалов, начиная с подробного анализа средневековых источников и заканчивая самыми современными открытиями немецких лингвистов и археологов. Несмотря на обширный справочный аппарат, включающий сотни наименований научных изданий, книга написана живым языком в научно-популярном стиле и рассчитана на самый широкий круг читателей. Кроме того, в приложении впервые приводится русский перевод нового источника по истории ободритов, «Страданий гамбургских мучеников», выполненный профессиональным переводчиком-латинистом И.В. Дьяконовым специально для этого издания.

Содержание

Введение	4
Глава I	9
Глава II	21
Глава III	34
Вагры с полуострова Вагрия	37
Старигард – главный город Вагрии	46
Крепость Плуне – столица Плуньской земли	52
Любица и ободритский король Генрих	57
Полабы и смельдинги	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Андрей Пауль

Балтийские славяне: от Рерика до Старигарда

Введение

В Средние века восточную часть Германии, примерно половину её нынешней территории, населяли славянские племена. В современном административном делении Германии бывшими славянскими являются федеративные земли Мекленбург-Передняя Померания, восточная часть земли Шлезвиг-Гольштейн, Бранденбург, Берлин, Саксония-Анхальт, Саксония, северо-восточная часть земли Нижняя Саксония, большая часть Тюрингии и большая часть Баварии. Отдельные славянские колонии и поселения существовали и намного западнее, доходя до Рейна и Северного моря, а также в Скандинавии. Несмотря на то, что история некогда населявших Германию славян чрезвычайно интересна и насыщена значительными событиями, без которых невозможно было бы представить себе средневековую историю многих европейских государств и Европы в целом, за пределами Германии об их существовании знают лишь единицы.

Некогда мощные славянские княжества и государства пали под натиском более сильного противника, а их потомки практически полностью вымерли или ассимилировались и стали немцами, утратив свои традиции, культуру, язык и самосознание. Из некогда огромных территорий, в настоящее время в Германии сохраняется лишь небольшой анклав лужицких сербов, являющихся потомками одной из ветвей этих средневековых славян, и насчитывающих, по самым оптимистичным подсчётам, не более 20000-30000 человек. Практически полное угасание славянства в Германии неизбежно привело к отсутствию историков из числа их потомков, как и вообще к крайне ничтожному числу историков из других славянских стран, специализирующихся или занимающихся историей германских славян. В послевоенное время изучением истории славянства в Германии занимались практически только немецкие археологи и лингвисты, труды которых в большинстве своём никогда не переводились на русский и остаются по большей части неизвестны русскоязычному читателю. А между тем в Германии к настоящему времени накоплен и частично систематизирован огромный материал, как археологический, так и лингвистический, фольклорный и источниковедческий, позволяющий говорить об истории германских славян и роли их в средневековой европейской истории уже вполне конкретно на основании многочисленных фактов.

Разумеется, ввиду огромного объёма материала, даже очень поверхностное его рассмотрение невозможно в рамках одного издания, потому данная работа и не ставит перед собой такой цели. Внимание в ней будет сосредоточено лишь на одной небольшой, самой северо-западной части славянских племён Германии, известных в историографии как ободриты. Но даже и в этом случае приведённый здесь материал никак не претендует на полное рассмотрение истории ободритов и предназначен, в первую очередь, для ознакомления широкого читателя с таким малоизвестным и очень интересным разделом истории Средневековья, как история северо-западных славян.

О наиболее раннем периоде истории славян в Германии практически ничего неизвестно. Ранние источники – преимущественно хроники Франкской империи – застали их здесь в VII веке н. э. и представляют уже как давних союзников или же наоборот противников франков в их войнах с соседними саксами. Во второй половине VIII века, когда в результате присоединения Саксонии границы Франкской империи начинают доходить до Эльбы, сооб-

щения о славянских племенах, ставших теперь уже прямыми соседями франков, начинают упоминать первые подробности относительно расселения и названий отдельных племён. В это время славянские племена имели как собственные княжества, так заселяли отдельные области на соседних территориях немецкого государства, признавая, при этом, верховную власть франкских императоров. Славяне селились племенами, объединявшимися в племенные союзы в ранний период зачастую на основе общего происхождения и культурной близости. Впоследствии такое деление становилось всё более и более размытым, и новые сильные славянские княжества и королевства нередко объединяли в одном государстве уже разные по происхождению племена.

Заселявшие восточную часть современной Германии славяне говорили на западнославянских языках, разделяясь в то же время на две достаточно заметно отличавшиеся между собой группы: северно-лехитскую и сербско-лужицкую. Отличия этих групп были не только в языке, но и в материальной культуре, обычаях и социальной структуре. Южная, сербско-лужицкая группа, по родству стояла ближе к соседним с ними славянским племенам Чехии и южной Польши. Северно-лехитская же, северная группа, была ближе к славянам северной Польши.

Однако от собственно поляков северные лехиты также отличались довольно сильно. Эту, самую северозападную часть славян, в историографии обычно называют балтийскими или полабскими славянами. Во избежание путаницы с одноимённым маленьким племенем полабов, далее мы будем использовать термин «балтийские славяне» для общего обозначения всей северной группы славянских племён Германии, а полабами называть уже конкретное маленькое племя, жившее к северу от Эльбы.

Карта расселения балтийско-славянских племён

География расселения балтийских славян довольно широка и, начинаясь на северо-западе на полуострове Вагрия у южной границы Ютландии, доходила на востоке до Вислы. На юго-западе её границы выходили за Эльбу, приблизительно до районов современных городов Гамбург и Брауншвайг, а на юге доходили до рек Спрея и Гавола, в районах современных городов Берлин и Бранденбург, гранича там с сербско-лужицкой группой западных славян. В пределах современных государств балтийские славяне населяли примерно шестую, северо-восточную, часть Германии и около четвёртой, северной, части Польши, занимая всё южное побережье Балтики от Дании до Пруссии.

Балтийские славяне говорили на диалектах так называемой северно-лехитской группы западнославянского языка. Характерными особенностями их языка было сохранение некоторых архаичных особенностей праславянского, близость некоторых черт к балтским языкам и особая история развития, обусловленная тесным многовековым соседством с германцами. Среди языков или диалектов северно-лехитской группы принято в свою очередь выделять:

поморянский (нем. *pomoranisch*) – язык поморских племён северной Польши между Одрой и Вислой, из которых впоследствии развился кашубский язык с его словинским диалектом;

древнеполабский (нем. *altpolabisch*) – язык племён северной Германии между Одрой на востоке и Вагрией на западе. На юге граница древнеполабского проходила примерно по линии Магдебург-Берлин-Франкфурт-на-Одере. На этом языке говорили многочисленные племена велетов, ободритов и рюгенских славян;

дравенополабский (нем. *drawehnpolabisch*) – зафиксированный в XVI веке и вскоре полностью вымерший язык сильно онемеченных остатков славянского населения в районе нижнего течения Эльбы (области Дравен, от которой и происходит название).

В настоящее время существуют разные мнения относительно того, можно ли говорить о поморянском и дравенополабском, как о едином языке. Основная трудность заключается в том, что нет достоверных и достаточных памятников древнеполабского, реконструируемого исключительно на основе топонимики и по немногим славянским словам и именам, встречающимся в средневековых немецких хрониках. Однако даже этих скудных источников оказалось достаточно, чтобы выявить некоторые характерные черты древнеполабского. Такими чертами являются:

сохранение носовых гласных *o* и *e* (прасл. **dobъ*, рус. «дуб») → древнеполаб. «*Damerow*» (топоним);

частичный переход праславянского *e* в *a* (прасл. **strela*, рус. «стрела») → древнеполаб. «*Stratow*» (топоним);

переход праславянского *tort* в *tart* (прасл. **gord*, рус. «город») → древнеполаб. «*Gard*», «*Gartz*» (топоним) – в схемах *tort* и *tart* вместо *t* может стоять любая согласная;

сохранение мягких *t* и *d*, без перехода в *ts'*, *dz'* (прасл. **techa*, рус. «утеха, радость») → древнепол. «*Techin*» (топоним) (Eichler/Witkowski 1985).

Исследования гидро- и топонимики северо-восточной Германии и северной Польши указывают на то, что до балтийских славян эти земли населяли носители другого языка. Археология датирует появление материальной культуры балтийских славян VI веком, и принимается, что славяне сменили на этих землях древнегерманские племена. Однако это предположение до сих пор не удалось подтвердить ни письменными источниками, запечатлевшими смену населения или приход славян в эти земли, ни лингвистическими исследованиями. В бывших балтийско-славянских землях на территории Германии отчётливо прослеживается три языка: немецкий, принесённый колонистами, начиная с XII века; древнеполабский, датируемый VI–XII веками, и более древний слой, частью учёных относимый к языку первых индоевропейских поселенцев в центральной Европе (Witkowski 1970;

Udolph 1990; Krahe 1964), а частью – к балтским языкам (Schall 1962; Schall 1965; Schall 1966; Топоров 1966 а; Топоров 1966 b; Топоров 1982). Исключение составляет лишь группа рек на небольшом замкнутом пространстве к району Шпреи-Гаволы, в названиях которой одна группа исследователей видит древнегерманский и древнеиндоевропейский языки (Fischer/Schlimpert 1971, Herrmann 1985, S. 33–34), а другая – также балтский язык (Schall 1966). Так как в абсолютном большинстве случаев среднее звено «древних германцев» в предлагаемой лингвистической схеме (древние индоевропейцы древние германцы древние славяне) не находит ни лингвистических, ни исторических подтверждений, ограничимся лишь упоминанием предположения о древнегерманском дославянском населении интересующей нас территории.

Учитывая сложность, неоднозначность и недостаточную изученность вопроса, как и разнящиеся мнения учёных, наиболее подходящим описанием ситуации кажется формулировка: достоверно славянская материальная культура не позднее VI века сменяет на территории Германии более раннюю культуру эпохи Великого переселения народов. С археологической точки зрения смена более древнего населения балтийскими славянами, если она имела место, должна была происходить мирно, а остатки старого населения – быстро смешаться с новоприбывшими славянскими группами, так что археология не фиксирует следов войн и разрушений в предполагаемый переходный период от дославянского населения к славянскому. Такая быстрая ассимиляция могла быть обусловлена изначальной родственностью как языков, так и просто культуры и обычаев нового и старого населения. В многочисленных латиноязычных письменных источниках, начиная с VIII и по XII вв., население южной Балтики описывается как однородное славянское, и ни один из источников не упоминает наличия здесь какого-либо неславянского населения. С другой стороны, целый ряд источников указывает на тождественность южнобалтийских славян и некоторых более древних народов, причислявшихся римскими и греческими источниками к германцам. Начиная с VIII века, то есть с первых упоминаний балтийских славян франкскими источниками, прослеживается отчётливая традиция отождествления их с вандалами (Strzelcyk 1998, Steinacher 2002), в более редких случаях – также и с герулами (Гельмольд, I, 2), не ставившаяся в западноевропейском учёном мире под сомнение до конца XVI века. В целом, можно сказать, что вопрос о населении юга Балтики в первой половине первого тысячелетия н. э. и его преемственности с жившими здесь в последствии славянами крайне слабо изучен ввиду малого количества источников той эпохи.

Среди многочисленных племён балтийских славян можно выделить несколько групп, выказывающих между собой наибольшее сходство и в то же время некоторые различия с другими группами:

ободритские племена – племена варов или вагиров, ободритов в узком смысле или перегов, полабов и смельдингов. Иногда к ободритским племенам причисляют также заэльбских древан и линонов;

рюгенские славяне – жители острова Руя и соседнего с ним берега континента;

поморяне – обобщающее название для нескольких более мелких племён, населявших северную Польшу к востоку от Одры (волиняне, пыричане, возможно, также словинцы и кашубы);

велеты или **вильцы**, делящиеся в свою очередь на: **племенной союз лютичей** или **северно-велетские племена** – редарии, толенцы, чрезпеняне и хижане;

южно-велетские племена – линоны, брежане, гаволяне или стодоряне, речане, замчичи, дошане, плоне или плоняне, укряне;

Племена моричан и шпреван жили в переходной смешанной зоне древнеполабской и сербско-лужицкой культур и составляют переходные группы. О другом маленьком племени моричан, жившем на озере Мюриц в Мекленбурге, на основании очень скудных и

поверхностных упоминаний сложно однозначно сделать вывод, были ли они ободритским или велетским племенем.

Вопрос о том, были ли переданные латиноязычными хрониками названия славянских племён в действительности их самоназваниями, во многих случаях остаётся открытым. Этимологии многих из них неясны и до сих пор не были убедительно объяснены из славянских языков. С другой стороны, многочисленные примеры именованья одного и того же племени в источниках несколькими разными именами, указывает как на существование не совпадавших немецких и славянских форм их названий, так и на нередкое применение хронистами «учёных», то есть почерпнутых ими из более ранних книг, но не соответствующих реальному положению вещей имён. Впоследствии происхождению названий рассматриваемых в книге племён будет уделено отдельное внимание.

Славянское расселение и освоение новых территорий осуществлялось преимущественно по водным путям, поэтому названия значительного числа славянских племён в Германии происходили от названий рек или совпадают с ними. Таковы, к примеру, названия племён полабов (от реки Эльбы, слав. «Лаба»), речане (от слав. «река»), гаволян (от реки Гаволы), толлензян (от реки Толлензы), укрян (от реки Укры), чрезпенян (от реки Пены, слав. «сидящие через/по другую сторону реки Пены»), спреван (от реки Спреи), дошан (от реки Доссы). О преемственности с более древним населением могут говорить имена велетов, варнов и, возможно, рюгенских славян. Не совсем ясными остаются этимологии названий племён ободритов, редариев, замчичей, стодорян и смельдингов. Названия племён моричан, плонян, волинян и поморян происходят от названий заселяемых ими местностей. Названия племён стодорян и редариев соответствуют названиям заселяемых ими областей, однако неизвестно, происходят ли названия племён от названия местностей или наоборот. В целом, можно отметить характерность связи топо- и гидронимии с названиями племён балтийских славян. Из общего ряда заметно выбиваются имена «ободритов» и «ререгов». Поскольку именно этим племенам посвящена данная книга, разбору их названия в дальнейшем будет посвящена отдельная глава.

Глава I

Материальная и духовная культура балтийских славян

Материальная культура большинства балтийско-славянских племён была во многом схожа, основные различия заметны не между племенами, а между жителями различных природных зон. Для всех балтийских славян были характерны округлые крепости, расположенные в основном на берегах водоёмов, речных и озёрных островах или полуостровах. По большей части крепости эти были небольшими и использовались либо как княжеская резиденция, либо для защиты местного населения в военное время. Исключение составляют лишь ранние велетские крепости на территории позднейшего союза четырёх лютичских племён. Эти крепости были намного большего размера, строились на высотах и отличались плотной жилой застройкой. Форма ранних велетских крепостей зависела от природных данных и могла отходить от привычной округлой. Отличной была и технология устройства крепостного вала. В ободритских землях своими размерами заметно выделялись столицы племён ободритов и варов Мекленбург и Старигард.

В Средние века балтийско-славянские племена представляли собой значительную военную и политическую силу, с которой вынуждены были считаться их германские соседи – Римская империя германской нации и наследовавшие ей немецкие королевства и герцогства, а также скандинавские государственные образования и королевства. История ободритов на протяжении столетий была неразрывно связана с историей соседних с ними саксов, данов и славян-велетов, в отношениях со всеми этими соседями были как войны, так и союзы, и династические связи.

Начиная с первой половины IX века отношения ободритов с соседними немецкими государствами характеризуются постоянными кровопролитными войнами, закончившимися окончательным поражением славян в конце XII века. Однако это четырёхвековое противостояние во многом было более противостоянием языческой и христианской культур, чем противостоянием собственно славян и германцев. Попытки насильственной христианизации принимались с немецкой стороны, начиная с IX века, и на деле совмещались с взиманием больших податей с основной массы славянского населения, так что образ христианина неизбежно смешивался с образом поработителя. Недовольство властью немецких и своих, принимавших христианство и способствовавших распространению церковных десятин правителей то и дело выливалось в значительные общеславянские языческие восстания. Едва ли найдётся другой европейский народ, столько раз возвращавшийся от христианства к язычеству и бывший настолько приверженным своей традиционной культуре. Суть этого противостояния, заключавшегося в стремлении к порабощению с одной стороны и борьбе за свободу и веру – с другой, хорошо понимали и сами немецкие завоеватели. Хронист Видукинд Корвейский в X веке замечал в своих «Деяниях саксов» об ободритах:

«Король поэтому часто сам водил против них войско, которое во многих [сражениях] нанесло им ущерб, поражение и довело их до крайнего несчастья. Тем не менее, они предпочитали войну, а не мир, и пренебрегали любым бедствием ради дорогой свободы. Ибо это такой род людей: грубых, способных переносить лишения, привыкших к самой скудной пище, и то, что для наших обычно представляется тяжёлым бременем, славяне считают неким удовольствием. В самом деле, прошло много дней, а они сражались с переменным успехом, те ради славы, за великую и обширную державу, эти за свободу, против угрозы величайшего рабства» (Видукинд, II, 20).

С конца X века, видя политические преимущества от союза с саксами, верхушка ободритской знати постепенно начинает принимать христианство. Христианские правители ободритов как правило признавали верховную власть немецких императоров и поддерживали тесные союзнические отношения с датским королевским домом, однако, их отход от традиций вызвал противоречия и вражду в самом ободритском обществе. В итоге принимавшие христианство законные ободритские князья воспринимались своими подчинёнными как тираны и предатели и могли утверждаться и поддерживать свою власть только с помощью союзных саксонских и датских войск. Нередко такие князья бывали свергаемы в ходе языческих восстаний, а их место занимали языческие правители. Начавшееся в конце XI века многолетнее противостояние христианской и языческой династий ободритских правителей в конечном итоге стало одной из главных причин общего ослабления их государства и одной из причин успешного завоевания его саксонцами в XII веке. В условиях постоянной многовековой борьбы за свои земли с христианами, языческие традиции стали для славянского населения неким видом «национальной идеи» и запрет на них в XII веке вместе с окончательным переходом собственных правителей на сторону саксов-христиан привёл к тяжелейшему духовному кризису, быстрой утрате идентичности и ассимиляции славян немцами.

Вместе с тем, сама их языческая культура вовсе не была примитивной, не только не уступая противостоящей ей христианской культуре, но и во многом её превосходя. Привыкшие к постоянным опустошениям своих земель славяне лучшее из имевшегося у них или приобретённого в ходе войн в других землях посвящали своим богам, возводя им величественные храмы с роскошным убранством. Говоря об ободритах, Гельмольд замечал, что они не заботятся о постройке долговечных домов, все равно постоянно разрушавшихся в ходе вражеских набегов (Гельмольд, II, 13), однако при этом совершенно не переносят какого-либо осквернения их святынь. Этот же хронист, оставил и некоторые описания богов и святынь ободритов:

«Во всей славянской земле господствовало усердное поклонение идолам и заблуждения разных суеверий. Ибо помимо роц и божков, которыми изобиловали поля и селения, первыми и главными были Прове, бог альденбургской земли, Жива, богиня полабов, и Редегаст, бог земли ободритов. Им предназначены были жрецы и приносились жертвы, и для них совершались многочисленные религиозные обряды. Когда жрец, по указанию гаданий, объявляет празднества в честь богов, собираются мужи и женщины с детьми и приносят богам своим жертвы волами и овцами, а многие и людьми – христианами, кровь которых, как уверяют они, доставляет особенное наслаждение их богам. После умерщвления жертвенного животного жрец отведывает его крови, чтобы стать более ревностным в получении божественных прорицаний. Ибо боги, как многие полагают, легче вызываются посредством крови. Совершив, согласно обычаю, жертвоприношения, народ предаётся пиришествам и веселью.

Есть у славян удивительное заблуждение. А именно: во время пиров и возлияний они пускают вкруговую жертвенную чашу, произнося при этом, не скажу благословения, а скорее заклинания от имени богов, а именно, доброго бога и злого, считая, что все преуспевания добрым, а все несчастья злым богом направляются. Поэтому злого бога они на своем языке называют дьяволом, или Чернобогом, то есть черным богом.

Среди множества славянских божеств главным является Свентовит, бог земли райской, так как он – самый убедительный в ответах. Рядом с ним всех остальных они как бы полубогами почитают. Поэтому в знак особого уважения они имеют обыкновение ежегодно приносить ему в жертву человека – христианина, какого укажет жребий. Из всех славянских земель присылаются установленные пожертвования на жертвоприношения Свентовиту.

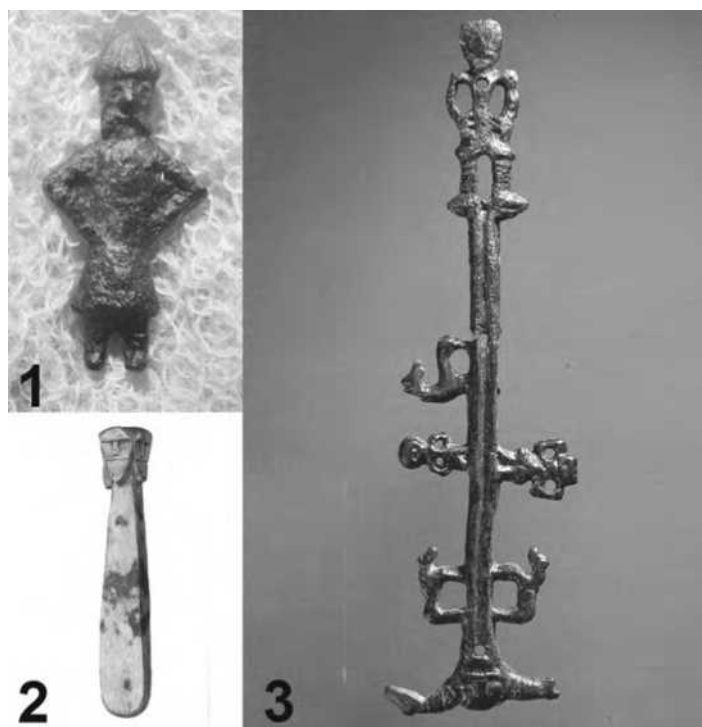
С удивительным почтением относятся славяне к своему божеству, ибо они не легко приносят клятвы и не терпят, чтобы достоинство его храма нарушалось даже во время неприятельских нашествий» (Гельмольд, I, 52).

Языческие храмы и священные места как правило либо находились вблизи главных политических центров славян, либо сами становились таковыми. Священная роща бога Прове или Проне находилась неподалёку от столицы племени варов, Старигарда.

Так же и в самом этом городе находилось языческое святилище с «медным изваянием Сатурна», разрушенное в X веке. В другом крупном политическом центре этого племени, крепости Плуне, находился храм бога Подаги. О местонахождении центра культа Живы в землях полабов неизвестно. Несмотря на то, что Гельмольд называет Редегаста богом земли ободритов, главный храм, посвящённый этому божеству находился в землях соседних с ними лютичей, городе-храме Ретре. Не исключено, что само переданное хронистом имя этого божества стало результатом путаницы. Так, наиболее ранний источник, оставивший подробные описания этого города-храма лютичей, Титмар Мерзебургский сообщает о том, что Редегост было названием самого города лютичей, а именем почитавшегося в нём божества было Сварожич (Титмар, VI, 23–25). Главный храм верховного бога балтийских славян, Свентовита, находился на мысе Аркона на острове Рюген. Оба этих храма одновременно были и политическими центрами. Наиболее важные решения, к примеру, о начале войны, у балтийских славян принимались с помощью гаданий и жребия. В присутствии высшей знати верховный жрец проводил специально содержавшегося при храме и посвящённого почитавшемуся в нём божеству священного коня через ряды скрепленных копий и по его поведению судил о воле богов. Если священный конь при прохождении через ряды не задевал копий, или задевал их правой ногой, это считалось знаком благосклонности богов к задуманному мероприятию. Такие гадания описываются в храмах Сварожича в Редегосте/Ретре (Титмар, VI, 24), храме Свентовита на Арконе (Saxo Grammaticus, 14.39.9) и храме Триглава в Щецине (Прюфенингский монах, II, 11). Главные храмы и святилища были так же и местами судов.

Так, в 1066 году захваченный в ходе языческого восстания в крепости Мекленбург епископ Иоанн был отослан для ритуальной казни или жертвоприношения в Ретру. Возле храма бога Проне в Вагрии каждый второй день недели проводились общественные суды в присутствии князя и верховного жреца.

Идолы балтийских славян часто изображались многоголовыми и многоликими, что, кроме славянской, находит параллели и в других языческих индоевропейских традициях – индийской, кельтской, греческой. Монахи Герборд и Эббо описывают трёхголовое изображение бога Триглава в поморском городе Щецине, Саксон Грамматик – четырёхголовое изображение бога Свентовита, пятиголовые изображения Поревита и Поренута, и семиголовое – Ругивита на острове Рюген. Подтверждают сообщения немецких монахов и данные археологии. Так, найденный в 1969 году на острове Фишеринзель в Толензском озере в земле редариев идол был двухголовым (Schmidt 1984, S. 132, Taf. 8), другие идолы более мелких размеров, найденные в поморском Волине и датском Свендборге имели по четыре лица на одной голове (Jansen 1998). Такой канон изображения – несколько лиц под одной черепной коробкой или шапкой – можно назвать характерным для балтийских славян. Важными атрибутами в изображениях божеств было оружие: мечи, копья, щиты. В отдельных случаях в храме могла находиться и одна лишь почитаемая реликвия, без изображения божества. Гельмольд упоминает, что принесение клятв совершалось славянами у деревьев, камней и источников (Гельмольд, I, 83).

Миниатюрные культовые фигурки из различных регионов расселения балтийских славян: 1) бронзовая фигурка из Шведта (укряне/лютичи; 2) деревянная фигурка из Волина (поморяне); 3) оковка чехла для ножа из Старигарда (вагры) (по: Herrmann 1985; Müller-Wille 1991)

Культовое значение имели также и особенные священные знамёна, выносившиеся из храма лишь в случае войны и которые должны были способствовать победе. Сами стены храмов старательно украшались вырезанными изображениями богов и покрывались особыми несмываемыми красками, так удивлявшими немецких монахов. Отдельные помещения существовали для культовых пиров и праздников, на которые собиралось всё окрестное население. Известны примеры каменных языческих изображений славянского времени, нередко позже встроенных в ранние христианские церкви. По всей видимости, славяне почитали большие, выделяющиеся на местности валуны и камни с особыми природными или произведёнными руками человека углублениями, так называемые камни-чашечники и камни-следовики. В некоторых случаях на почитание таких камней указывают и сами их названия, как например большие валуны на Рюгене, носящие имена «Бускам» («божий», «бозий камень») и Свантекас («священный камень»). То обстоятельство, что названия сохранились на славянском языке, говорит о восхождении их с большой долей вероятности ещё к языческим временам.

Из форм имён языческих Богов, приводимых в хрониках, может сложиться впечатление, что у балтийских славян был некий свой собственный, отличный от прочих славян, пантеон. Но, при ближайшем рассмотрении оказывается, что Боги их – те же, что и у всех прочих славян, необычные же их имена были скорее эпитетами, причём, возможно даже не самих богов, а их изображений. По всей видимости, таким эпитетом было имя верховного бога Свентовита. Первая часть имени происходит от славянского «святой», «священный» вторая же, «вит», возможно представляла тот же корень, что и в слове «витязь» и обозначала таким образом мужское начало, воина или правителя. Судя по описаниям, Свентовит должен был представляться в виде священного небесного всадника на белом коне, поражающего противников оружием и ответственным так же и за урожай и плодородие. Такой образ

наиболее близок к восточнославянскому Перуну и не исключено, что и само имя Свентовита было одним из его эпитетов. Имя собственно Перуна также было известно балтийским славянам и сохранилось, как в топонимах, так и в записанном в XVIII веке у дравенополобов на Эльбе названии четверга – Перундан. Скорее всего именно имя Перуна скрывается и под записанным Гельмольдом именем бога Проне или Прове, которому была посвящена дубовая роща возле Старигарда в Вагрии. В имени бога Яровита, ответственного за всходы растений и войну, храмы которого находился в лютичских городах Вологоще и Гавельберге, нетрудно увидеть близость с восточнославянским Ярилой, также связанным с плодородием и «яростью». Прямые параллели с восточнославянским Сварогом-«Гефестом» и Сварожичем-огнем находятся и в имени бога Сварожича, почитавшегося в городе Редегосте.

По всей видимости, балтийские славяне представляли себе устройство вселенной, как состоящей из трёх миров: нижнего, подземного мира мёртвых, управляемого Чернобогом; среднего, земного мира людей, животных и растений, и верхнего, небесного мира, населённого светлыми божествами, главным из которых был «добрый бог», Свентовит или Перун. О таком трехчастном делении мира упоминает в частности Герборд, говоря, что бог Триглав был владыкой над тремя мирами (Ebbo, III, 1). Ещё нагляднее эта картина славянского мироустройства становится видна по находке оклада ножен из Старигарда.

Последние значительные храмы и святыни балтийских славян были уничтожены в конце XII века и лишь в очень редких случаях удалось обнаружить их следы в ходе археологических исследований. Настоящей сенсацией как в археологии балтийских, так и всех прочих славян, стал найденный при раскопках славянского поселения возле деревни Гросс Раден языческий храм, предоставивший ценную информацию о дохристианской славянской архитектуре. Расположенное на некотором расстоянии от прочих, стоявших вплотную друг к другу жилых домов, здание храма выделялось на их фоне также и своей величиной. Различия с жилыми домами видны и в технике постройки и в сделанных внутри находках. Дополнительно храм был обнесен оградой, а стены его украшены антропоморфными деревянными изображениями. Найденные тут три конских черепа и два железных наконечника копий, могут указывать на жертвоприношения и хорошо известный по описаниям хроник процесс гадания по поведению священного коня, проводившегося через воткнутые в землю скрещённые копыя. Перед северным входом также был найден бычий череп и довольно необычно выполненная, возможно, ритуальная чаша (Schuld 1985, S.35–49).

Тесно связанной с языческой традицией, обрядовыми, культовыми и магическими практиками должна была быть и медицина балтийских славян, отличавшаяся необычайно высоким, для своего времени, уровнем. При раскопках славянского могильника в Занцкове, в землях чреппенян, был найден череп с совершенно уникальным протезом зубов. В десну страдавшей сильной формой пародонтоза 43-летней женщине была вживлена металлическая пластина, к которой с помощью цементаподобного раствора были прикреплены нижние передние зубы. По мнению археологов, операция носила сугубо косметический характер (Herrmann, 1985, S. 63–64). Погребение женщины с протезом не содержало никаких вещей, по которым можно было бы сделать вывод о высоком её социальном статусе, из чего можно предположить, что подобные операции могли быть вполне обычным делом и быть доступны обычным людям.

Загадкой и по сей день остаётся и применение балтийскими славянами сильных болеутоляющих и антисептических средств. Многочисленные примеры подтверждают, что какие-то их виды должны были известны им уже в Средневековье и могли применяться как для лечения ран, так, возможно, и в культовых целях. Удивителен найденный в Вагрии славянский череп с большим, возникшем в результате удара мечом отверстием. Каким-то чудом эту рану удалось залечить, и мужчина прожил после удара ещё долгое время.

Схожим образом должны были залечиваться раны и после сложнейших операций, проводившихся на черепе уже специально – трепанаций. В общей сложности пока найдено не менее четырёх трепанированных черепов в славянских землях восточной Германии, из которых три находки приходятся на земли балтийских славян, а одна – на смешанную зону балтийских славян и лужицких сербов (Herrmann 1985, S. 62, 63). Трое из четырёх пациентов удачно перенесли операцию и прожили ещё долгое время. Ещё одна, пятая, так называемая «символическая трепанация», известная с того же чрепнянского кладбища, что и зубные протезы, отличалась от других. В этом случае в черепе не было проделано сквозного отверстия, а лишь нанесена глубокая бороздка, симулирующая настоящую трепанацию. О предназначении таких операций, к сожалению, ничего неизвестно. Предполагается, они могли применяться для лечения полученных во время битв травм черепа или других болезней, либо быть связаны языческим культом: быть инициациями жрецов или служить «открытию третьего глаза». На культовое назначение, возможно, указывает обстоятельство находки захоронения с успешной трепанацией, сделанное в земле редариев, на юге Толлензского озера. Мужчина с трепанированным черепом был захоронен в одной просторной домовине с воином, имевшим при себе меч и шпоры, что может указывать на захоронение жреца и его телохранителя.

Развитость медицины у балтийских славян стоит рассматривать в связи с развитым жречеством, которое, по всей видимости, сохраняло и передавало из поколения в поколение знания и технологии. После уничтожения жречества, преследования всех видов врачевания и процессов над «ведьмами», тот уровень медицины, что бытовал у язычников ещё в средневековье, в частности – зубные протезы и успешные трепанации – будет снова достигнут в Европе лишь через столетия.

В источниках сохранились указания и на известность языческой культуре некой формы письменности. Так, Титмар Мерзебургский сообщает, что в храме Ретры на идолах были подписаны их имена. Однако о каком виде письменности могла идти речь точно сказать невозможно. Не исключено, что отголоском такой древней письменности или знаковой системы является сохранённая онемеченными потомками балтийских славян система знаков собственности. Такие знаки по виду походили на руны, буквы или некоторые элементы орнамента, и использовались в XIX для обозначения собственности. Немцы называли их марками, в русской терминологии они бы скорее соответствовали тамгам. Такие знаки были в ходу как у знати и попадали в последствии на гербы, так и у простых крестьян и рыбаков, которые помечали ими свои сельскохозяйственные инструменты, рыболовные сети, скот и прочее имущество (Lisch 1855; Ebbinghaus 1961). На Рюгене и близлежащих островах ещё в начале прошлого века каждый рыбацкий дом имел свой собственный знак. Он передавался по наследству, но сын изменял знак отца, прибавляя к нему новую черточку и делая, таким образом, своим собственным. Знаки эти могли переходить не только от отца к сыну; при продаже собственности они переходили вместе с домом к новому владельцу. Схожая знаковая система известна по всей Балтике, в том числе в скандинавских, балтских и финно-угорских землях, так что истоки её могут уходить в очень глубокую древность, когда культуры и обычаи этих народов были ещё очень близки.

Знаки собственности с острова Хиддензее, Рюген: а) знаки рыбаков в общественной коморке; б) знак на надгробье; в) знаки, применявшиеся для обозначения домов в деревне Ноендорф-Плэгсхаген (по: Lisch 1855; Ebbinghaus 1961)

О представлениях о загробном мире можно судить по захоронениям. Основные виды погребений можно разделить на два главных типа – кремации и трупоположения, каждый из которых имел множество разновидностей в обряде и мог представлять как грунтовые захоронения, так и курганы или другие надземные сооружения.

Захоронения в курганах. В землях ободритов до сих пор сохранилось и изучено лишь совсем немного курганов, большинство из которых было найдено вне связи с большими могильниками и не содержало инвентаря. Потому, в качестве близкой параллели можно привести реконструкцию из хорошо изученного большого курганного могильника в Ральсвике на острове Рюген. Здесь известны как трупоположения, так и кремации в курганах, а сам похоронный обряд происходил примерно следующим образом. Кремация как правило осуществлялась на расположенных поодаль устринах. Прах из устрины собирался в урну, либо некую ёмкость из органического материала, археологически установить которую оказывалось невозможно. Ёмкость с прахом помещалась в основание будущего кургана, которое в некоторых случаях предварительно очищалось огнём или посыпалась песком. Возведению курганной насыпи предшествовала прощальная трапеза, кости от которой или же пища, предназначенная мертвецу на том свете, могли быть оставлены рядом с погребальной урной. В некоторых случаях рядом вкладывался и инвентарь из бытовых вещей или украшений (Herrmann/Wamke 2008, S. 27–34) – очевидно, такие мелкие детали обряда определялись уже конкретно родственниками умершего и их возможностями. В других случаях урну не зарывали в основание кургана, а устанавливали на поверхности холма. В большинстве случаев основания курганов были овальными или округлыми, однако известны также квадратные и прямоугольные формы. Основания курганов могли обкладываться камнями.

Ингумации. Захоронения такого типа бывали разных видов. Кроме уже упомянутых трупоположений под курганной насыпью, были широко распространены и обычные захоронения в земле, в гробах или без. Ориентировка захоронений также бывала разной, как восток-запад, так и север-юг; известны и захоронения в сидячем виде. Не раз высказывались

предположения о связи такого обычая с христианским или скандинавским влиянием, однако таким образом объяснить далеко не все из известных случаев. Труположения известны у балтийских славян с самых ранних времён и, в том числе, и в таких и местах, где все письменные источники указывали в это время на яркую враждебность славян христианству и приверженность языческим традициям. По захоронениям такого типа удалось узнать и некоторые детали религии балтийских славян. Так, о вере в вампиризм или возможное возвращение покойника из загробного мира могут говорить так называемые «вампирические захоронения». На голову или тело покойника укладывались большие тяжёлые валуны, чтобы предотвратить его возвращение из могилы. Причём, такой обряд мог проводиться как при изначальных похоронах, так и после них, по всей видимости, если были основания ожидать «возвращения» покойника, так и уже после них. К примеру, раскопки в Ральсвике на Рюгене показали, что изначально один из покойников был захоронен по обычному обряду, но позже могилу его раскопали и, придавив тело тяжёлыми камнями, закопали вновь (Herrmann/ Wamke 2008, Taf. 61, Grab 140).

Камерные захоронения и дома мёртвых. Сравнительно редким обрядом, полагавшимся лишь высокопоставленным членам общества – князьям или знати – были камерные захоронения. Тело умершего помещалось в выкопанную в земле большую, глубокую и обитую досками на манер «комнаты» или «камеры» яму, откуда и происходит название. Рядом с покойником укладывалось его оружие, украшения, бытовые вещи, еда и питьё. Богатый инвентарь таких погребений подтверждает знатное происхождение захороненных. Камерные захоронения известны из самых разных регионов балтийско-славянских земель: княжеской крепости Старигард в Вагрии (Gabriel/Kempke 1991, S.179; Gabriel/Kempke 2011, S. 83, 84, 156–159), Гросс Штрёмкендорфа недалеко от Висмара (Gerds 2011, S. 127), местечка Узадель в землях редариев (Schmidt 1992, S. 24), Вустерхаузене (Biermann 2009, S. 135), в районе расселения племён дошан и гаволян, острове Узедом (Fries 2001, S. 295–302; Biermann 2009, S. 135–143), находящегося на реке Одре польского города Цедыни (Warnke 1982, S. 201; Biermann 2009, S. 135–136), Ральсвика на Рюгене (Herrmann/Warnke 2008, S. 14), а также из находящихся в польском Поморье местечке Ципле (Biermann 2009, S. 139), южнее Гданьска, и Калдуса (Там же). В более южных областях Польши камерные захоронения известны из Любово, Любони, Островожи, Скоковко (Biermann 2009, S. 142, Anm. 690).

Такой обычай был распространён и у других языческих народов северной Европы, однако у балтийских славян, в силу того, что они приняли христианство позже других, он сохранялся вплоть до XI–XII вв. Сооружение особых камер для мертвецов и вложение туда личных вещей и даже пищи, должно было быть связано с соответствующими представлениями балтийских славян о продолжении жизни человека после его смерти в этом подземном жилище. Этот обычай сохранялся у балтийских славян ещё и в ранний христианский период и нашли отражение в странных полухристианских-полуязыческих захоронениях знати в виде необычайно больших гробов (Gabriel I, Kempke 2011, S. 139; S. 149) или захоронениях без камер, но с вложением богатого инвентаря, в том числе и посуды (Fillipowiak/Gundlach 1992, S. 60). Арабский источник X века ибн-Русте описывал подобный обряд у русов следующими словами:

«Когда у них умирает кто-либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда, и вместе с ним кладут в ту же могилу его одежду и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и жена умирает в заключении».

Сравнив камеру мертвеца с домом, ибн-Русте очень точно передал саму суть этих славянских представлений о загробном мире. Так, кроме обычая подземных домов для мертвецов, у балтийских славян хорошо известен и обычай сооружения и их надземных ана-

логов. Такие надземные дома мёртвых нередко соседствовали на славянских кладбищах с камерными захоронениями и, со всей очевидностью являясь следом тех же представлений о продолжении жизни покойника в новом «доме», указывают в тоже время и на сложность языческих похоронных обрядов. По всей видимости, разные типы домов мёртвых предназначались для разных сословий, или могли быть связаны с разными смертями захороненных. В некоторых случаях, как в упомянутом выше могильнике Узадель в землях редариев, имеются указания, что и надземные дома мёртвых могли быть связаны с высшими сословиями. В просторной домовине здесь было найдено два мужских погребения-ингумации и кремационный прах ребёнка. На высокий статус одного из покойников указывает вложенный в могилу меч, у другого же из инвентаря был найден лишь нож, однако на черепе его была зажившая трепанация, в чём можно увидеть указание на жреческое сословие. Найденные в некоторых домах мёртвых осколки керамики указывают на то, что кроме ингумаций и оставления кремационного праха в ямах, в таких сооружениях могли помещаться и урновые захоронения, либо же – на тот же обычай вложения продуктов в могилу, что известен и из камерных погребений. Не исключено также, что осколки керамики могли быть следами ритуальных трапез, проводимых родственниками умерших на их могилах. Такой обычай, корни которого уходят в языческую древность, известен и из других регионов северной и восточной Европы, где сумел сохраниться до Нового времени и быть зафиксирован этнографией. К примеру, в северо-западных областях России или в Белоруссии деревянные дома мёртвых – домовины сохраняются на некоторых старых кладбищах и до сих пор.

Лодочные захоронения. Другим похоронным обрядом, более характерным для знати, были лодочные захоронения. Несмотря на то, что количество захоронений в лодках на каждом отдельно взятом кладбище составляло лишь крайне маленький процент от общего числа захоронений, такой обряд, тем не менее был известен в большинстве портовых городов балтийских славян – Гросс Штрёмкендорфе (Gerds 2010), Ральсвике на Рюгене (Hertmann/Wamke 2008, S. 39), Менцлине (Bleile/ Jöns 2006, S. 84, 85), на острове Узедом (Biermann 2009, S. 121), в Волине (Biermann 2009, S. 127, 128), Цедыне (Biermann 2009, S. 128). Во многих случаях похоронный обряд существенно различался. Могли использоваться как большие корабли (Ральсвик, Гросс Штрёмкендорф), так и совсем маленькие лодки, возможно, даже специально изготовленные для похорон. Можно предположить, что различия в величине лодок были связаны с социальным статусом умершего. Кроме того, что личные большие корабли могли иметь лишь представители знати или богатые купцы, указания на это находятся и в источниках. Обряд погребения в ладье у славян детально описал арабский путешественник Ибн-Фадлан, встретивший в X веке на Волге русских купцов-язычников:

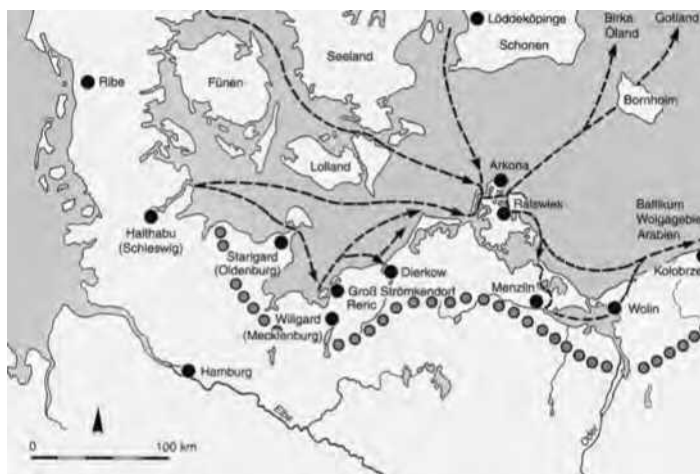
«Мне не раз говорили, что они делают со своими главарями при [их] смерти дела, из которых самое меньшее – сожжение, так что мне всё время очень хотелось познакомиться с этим, пока не дошла до меня [весть] о смерти одного выдающегося мужа из их числа... А именно: если [это] бедный человек из их числа, то делают маленький корабль, кладут его в него и сжигают его [корабль]... Когда же наступил день, в который должны были сжечь его и девушку, я прибыл к реке, на которой [находился] его корабль, – и вот он уже вытасчен [на берег] и для него поставлены четыре устоя из дерева хаданга и из другого дерева [халанджа], и вокруг них поставлено также нечто вроде больших помостов из дерева. Потом [корабль] был протащен, пока не был помещён на это деревянное сооружение... Потом явился ближайший родственник умершего, взял палку и зажжёг её у огня. Потом он пошёл, пятась задом, – затылком к кораблю, а лицом к людям, [держа] зажжённую палку, в одной руке, а другую свою руку на заднем проходе, будучи голым, – чтобы зажечь сложенное дерево, [бывшее] под кораблем. Потом явились люди с деревом [для растопки] и дровами. У каждого из них была палка, конец которой он зажжёт. Затем [он] бросает её в это [сложенное под кораблем] дерево. И берётся огонь за дрова, потом за корабль, потом

за шалаш, и мужа, и девушку, и [за] всё, что в нём [находится]. Потом подул ветер, большой, ужасающий, и усилилось пламя огня и разгоралось это пылание... И в самом деле, не прошло и часа, как корабль, и дрова, и девушка, и господин превратились в золу, потом в [мельчайший] пепел... Потом они соорудили на месте этого корабля, который они [когда-то] вытащили из реки, нечто вроде круглого холма и водрузили в середине его большое бревно маданга, написали на нём имя [этого] мужа и имя царя русов и удалились...» (Крачковский 1956, 102–115).

Кроме величины кораблей, лодочные захоронения различались и по типам обрядов. К примеру, если с острова Рюген известна идентичная описанным ибн-Фадланом кремация в большой корабле с последующим возведением над местом кремации кургана, то в могильнике Гросс Штрёмкендорфа большие корабли не были преданы огню, хотя и не содержали ингумаций. Оставленный в них для покойников инвентарь – керамика и оружие, впрочем, позволяет предположить, что здесь же мог быть захоронен и несохранившийся за века прах умершего. В таком случае, это было бы наглядным примером смешения обоих традиций знатных могил – лодочных и камерных захоронений, так что закопанный с прахом и инвентарём корабль, мог представляться и чем-то вроде «нового дома» умершего. Находки лодочных захоронений у балтийских славян известны в приморских городах, что вполне объяснимо. По всей видимости, обычай захоронения в лодке предполагался для тех людей, кто и при жизни много времени проводил в корабле – в первую очередь купцов, но возможно также и воинов или пиратов – и был всё тем же отголоском представления о загробном мире, согласно которому, человек продолжал жить в другом мире такой же жизнью, что и на земле, и потому там ему требовались наиболее важные при жизни вещи – дом, корабль, оружие, еда, личные вещи, в более редких случаях даже кони, животные или приближённые (жёны, слуги, наложницы). В поморских захоронениях, оставленных в совсем небольших лодках, можно предположить захоронения рядовых купцов. Такие захоронения бывали или безинвентарны, либо содержали самый простой небогатый инвентарь – ножи, пряслица. Вкладываемые в такие ладьи монеты могут указывать на наличие известного по древнегреческой мифологии представления об необходимости уплаты за вход в подземный мир. Кроме лодочных, находки монет известны и из других типов захоронений – курганов и грунтовых ингумаций. В обряде лодочных захоронений принято относить и каменные кладки в форме «кладей» (вытянутого эллипса), внутрь которых помещались, как правило, кремационные захоронения. Такие каменные кладки известны у северозападных славян в основном в Поморье: в Менцлине (Schoknecht 1977, S. 9-36), Русиново (Filipowiak 1989, S. 711–715), Слоновице (Müller-Wille 1968/69, S. 187, 86) и Радчиево (Müller-Wille 1968/69, S. 187, 87). Некоторые археологи связывают с обрядом лодочных захоронений и найденные в славянских погребениях в Росток-Альт Бартельсдорфе, Росток-Диркове и Волине (Biermann 2009, S. 121) корабельные заклёпки, предназначение которых остаётся неясным.

Захоронения в курганах бронзового века и мегалитах. Хотя такие типы захоронений и не отличались по обряду от вышеописанных и были либо кремациями, оставляемыми в урнах, либо трупоположениями, их всё же стоит выделить в отдельную группу. Такие захоронения нередки (Schuldt 1971, S. 82; Warnke 1982), происхождение же их загадочно. С одной стороны, едва ли славяне могли не знать, что хоронят своих покойников на более древних могилах, с другой стороны, некоторые дома мёртвых, в которых было найдено по нескольку захоронений, как и вторичные захоронения на курганах или, как это было в случае Старигардского камерного захоронения – вторичные захоронения поверх камеры, указывают на наличие у балтийских славян чего-то вроде традиции семейных усыпальниц. Любопытным в данном случае кажется и то, что дольмены и строились изначально (в каменном веке) как гробницы, в которых хоронили зачастую на протяжении поколений. Вопросом остаётся лишь, почему славяне хоронили мертвецов на месте чужих могил – считали ли они тех древ-

них погребённых в дольменах и курганах бронзового века своими предками? Этот вопрос пока остаётся открытым. Возможно такой обычай стоит рассматривать в связи с использованием славянами дольменов в культовых целях. На многих из каменных дольменов северо-восточной Германии найдены такие же знаки и углубления, как и на почитавшихся славянами больших валунах. Так же многое говорит и за то, что одна из главных святынь Вагрии – посвящённая богу Прове дубовая роща возле Старигарда – находилась на месте самого большого мегалитического сооружения северной Германии (Gabriel 1991a, S. 73). Курган, скрывающий огромный дольмен, представляет из себя целую гору, а на вершине был найден прямоугольный славянский курган, или возможно – остатки домовины. Несмотря на накопление достаточно большого материала по вторичным славянским захоронениям на местах более древних захоронений каменных или бронзовых веков, как и на кладбищах римского периода, вопрос это связях и происхождении такого обряда или даже представлений, до сих пор практически не изучен, а материалы разных научных дисциплин не систематизированы и не сопоставлены.

Средневековые торговые центры, морские торговые пути и область распространения «скандинавского» погребального обряда (белые кружки) в славянских землях современной Германии (по: Herrmann 2009)

Из других видов погребального обряда можно отметить грунтовые безкурганные могильники, захоронения в которых оставлялись либо в погребальных урнах, либо просто в ямах. В отдельный вид, названный по первому месту находки типом Альт-Кабелих, часть исследователей выводит обычай оставления праха кремированных в больших прямоугольных или овальных ямах. По размерам и сохранившимся от них следам такие захоронения очень схожи с археологическими следами жилых домов, потому, другая часть исследователей считает их также остатками домов мёртвых. Достаточно характерным для найденных на юго-западном берегу кладбищ было разнообразие похоронных обрядов на одном кладбище, что, впрочем, не может быть объяснено только захоронением разных этнических групп. Настолько смешанный характер общества, с большими долями скандинавов и христиан во всех славянских поселениях, противоречил бы указаниям многочисленных письменных источников, однозначно называющими эти земли и города славянскими и ещё не принявшими христианства, а земли – враждебными для чужаков и христиан. Скорее объяснение такому явлению стоит искать в различии погребальных обрядов у разных сословий, рода занятий и, возможно, даже и характера смерти, в самом славянском обществе. Можно предположить, что знатных или просто состоятельных хоронили в «домах мёртвых» – как подземных камерах, так и в надземных сооружениях; состоятельных и связанных с морепла-

ванием купцов или воинов – в больших кораблях, менее состоятельных купцов – в маленьких однодревках. Для более бедной части населения, по всей видимости, возводились курганы, либо же прах умерших оставлялся в урнах или ямах. Ингумации могут указывать как на чужеземцев вообще (христиан, либо просто представителей других народов), так и на людей, возможно, умерших какой-то необычной смертью, либо же уже при жизни отделённых от общества (к примеру, считавшихся опасными «колдунами», как на это указывают «вампирующие» захоронения) и которым по какой-то причине не полагался такой же переход в другой мир, как прочим. В целом, разнообразие и развитость погребального обряда, как и описания пышных обрядов и храмов, указывают на развитость ритуалов языческой религии балтийских славян. Из-за большого сходства или практически даже идентичности их погребальных обрядов с языческими погребальными обрядами северных германцев, часть исследователей подозревает возможное влияние скандинавов в сложении на юге Балтики несколько отличных от остальных славян представлений и ритуалов и выделяет всю зону расселения балтийских славян как «область погребального обряда, сложившегося под влиянием скандинавов».

Глава II

Южно-балтийский торговый путь

На протяжении многих столетий жизнь славян, проживавших на юго-западном побережье Балтийского моря, на территории современных Германии и Польши, была связана с Восточной Европой и землями Северной Руси тесными торговыми отношениями. Серебро из арабских стран наряду с редкими и дорогостоящими предметами роскоши из Византии пользовались в славянских княжествах немалым спросом и приносили немалый доход как привозившим их купцам, так и контролировавшим торговые центры и собиравшим торговый налог князьям. При поддержке местной знати торговля между западославянскими городами южной Балтики и Русью бурно развивалась, начиная с самого раннего Средневековья, играя заметную роль в экономике и политической жизни региона, что в немалой степени определяло и ход истории.

Уже в VII–VIII веках на юге Балтики возникла разветвлённая сеть приморских торгово-ремесленных центров – инфраструктура, необходимая для поддержания остановок купеческих караванов в многодневных плаваниях между Восточной Европой и южной Ютландией. Так появился южно-балтийский торговый путь. По археологическим данным торговые контакты славянских торговых городов южной Балтики с Восточной Европой и северной Русью прослеживаются, начиная с конца VIII века и вплоть до позднего Средневековья. Однако в виду того, что земли эти не имели до крещения своей летописной традиции, описания морского южно-балтийского торгового пути встречаются в письменных источниках лишь с X века, после саксонского завоевания и начала христианизации.

Одно из первых подробных описаний земель южно-балтийских славян оставил посетивший во второй половине X века Германию и земли ободритского князя Накона еврейский купец Ибрагим ибн-Якуб, особое внимание уделявший торговле и экономике: *«В общем славяне мужественны и воинственны и, если бы только они не были разобщены и разделены на множество ветвей и частей, ни один народ в мире не смог бы противостоять их натиску. Они населяют плодороднейшие и наиболее богатые продуктами земли. С большим усердием занимаются они земледелием и хозяйственной деятельностью и превосходят в этом все народы севера. Товары их по суше и по морю отправляются на Русь и в Константинополь»* (Ибн-Якуб/Аль-Бекри).

Торговый путь из балтийско-славянских княжеств на Русь начинался из Старигарда (по-немецки называвшегося Ольденбургом) в Вагрии и шёл с многочисленными остановками в торговых городах по южному берегу Балтики, через прусские земли и остров Готланд. Следующее, более подробное описание этого пути, восходит к началу христианизации ободритских земель и содержится в написанной во второй половине XI века хронике Адама Бременского. Описывая Юмну – богатейший славянский торговый город в устье Одры, бывший, по мнению Адама, самым большим городом Европы, он замечал: *«От этого города [Юмны] коротким путём добираются до города Димина, который расположен в устье реки Пены, где обитают руяне. А оттуда – до провинции Земландии, которой владеют пруссы. Путь этот проходят следующим образом: от Гамбурга или от реки Эльбы до города Юмны по суше добираются семь дней. Чтобы добраться до Юмны по морю, нужно сесть на корабль в Шлезвиге или Ольденбурге. От этого города 14 дней ходу под парусами до Острогарда Руси. Столица её – город Киев, соперник Константинопольской державы, прекраснейшее украшение Греции»* (Адам, II, 18 (22)).

Первые письменные указания на торговые центры балтийских славян такого рода относятся к началу IX века. Под 808 годом анналы королевства франков сообщают о раз-

рушении датским королём Готтфридом ободритского эмпория Рерик, сбор налогов с которого приносил немалый доход тогдашнему князю ободритов Дражко. По всей видимости, это событие было не в малой степени спровоцировано пересечением торговых интересов и конкуренцией между ободритами и данами на юго-западе Балтики. Переселив купцов из Рерика в датский торговый центр Хаитабу, Готтфрид тем самым стимулировал рост датской торговли и, соответственно, собиравшихся с неё пошлин. Рерик же после этого должен был прийти в упадок. После нападения Готтфрида в 808 году он упоминается впоследствии в письменных источниках лишь единожды в следующем году, как место убийства самого Дражко, после чего уже навсегда пропадает со страниц хроник. Попытки определить местоположение легендарного ободритского города предпринимались многими поколениями немецких историков. В качестве претендентов на его звание предлагались самые разные города, но лишь археологические исследования последних двух десятилетий смогли немного прояснить вопрос. Найденные в ободритском торговом центре Гросс Штрёмкендорф, отождествляемым большинством современных исследователей с историческим Рериком, указания на торговлю с восточной Европой, в том числе арабское серебро и возможная находка ладожской керамики, указывают на возникновение торговых связей ободритов с восточной Европой уже в конце VIII – начале IX веков и существовании в то время южно-балтийского торгового пути.

Одновременно с Рериком в VIII–IX вв. на юге Балтики существовали и другие торговые центры: Старигард/Ольденбург в Вагрии, Старый Любек в Висмарской бухте, крепость Мекленбург, бывшая столицей ободритских князей, Дирков в черте современного города Росток в устье реки Варнов в землях племени хижан, Менцлин в устье реки Пены в землях чрепнян, Ральсвик на острове Рюген, Волин, Щецин, Колобжег, Камень и Швилюбе – в землях племени поморян, на территории современной Польши. Остановки и маршрут этого южнобалтийского торгового пути отлично маркируют находки кладов арабского серебра, найденные на Балтике.

Условно славянские торгово-ремесленные центры и города южной Балтики можно разделить на два типа: открытые поселения без крепостных валов (Гросс Штрёмкендорф, Дирков, Менцлин, Ральсвик на Рюгене) и укрепленные города (Старигард, Любица, Димин, Вологошь, Узедом, Волин, Щецин, Камень, Колобжег). Торговые центры открытого типа были более характерны для наиболее раннего периода VIII–X вв. и более – для балтийско-славянских племён, живших к западу от Одры. Можно выделить и некоторые другие особенности, отличающие такой тип от прочих, к примеру, использование землянок в качестве основного типа домов (Гросс Штрёмкендорф, Дирков, Менцлин).

Спектр ремёсел торговых центров и городов балтийских славян был, в общем, схож: резьба по кости и рогу, изготовление гребней, обработка стекла и производство стеклянных бусин, производство керамики, производство железа, кузнечное и ювелирное дело, обработка цветных металлов. Торговля приносила большой доход, и взимание налога с таких торговых центров обогащало местных правителей. Известный отрывок Франкских анналов 808 года сообщает о солидной прибыли, которую приносил эмпорий Рерик ободритскому князю Дражко. Сама история с разрушением Рерика в указанном году данами и переселением из него купцов в датский Хаитабу, говорит о существовавшей уже тогда напряжённой конкуренции между соседними торговыми центрами. Таким образом, уже в начале IX века морская торговля имела на юге Балтики такое значение, что определяла политику местных правителей и могла провоцировать войны за право собирать налог с приморских эмпориев.

Тесная связь южно-балтийских торговых центров с властью местной знати находит отражение и в археологии. Все славянские торговые центры западнее Одры были основаны в непосредственной близости от важнейших княжеских крепостей. Старигард в Вагрии был одновременно и торговым центром, и княжеской резиденцией варских князей. Гросс Штрём-

кендорф, который в настоящее время отождествляется с историческим Рериком, был расположен вблизи двух основанных ещё до него крепостей – Илово и Мекленбург. Обе они впоследствии (Мекленбург – начиная с X, а Илово – в XII вв.) известны как важнейшие крепости ободритских князей. Крепость Мекленбург при этом была племенной столицей и также описывается как большой и богатый рыночный город. Гельмольд называет Мекленбург «знаменитым городом ободритов», о чём говорит и сама этимология названия (старосакс. «великий город»). Ибн-Якуб упоминает эту крепость как резиденцию князя Накона. Из хроники Гельмольда известно, что во второй половине X века здесь существовал женский монастырь, куда принявший христианство ободритский князь Биллунг поместил свою дочь. Первое славянское восстание (983 – до рубежа тысячелетий) способствовало тому, что до второй волны христианизации ободритских владений, начавшейся при Готтшальке, эти земли выпадают из поля зрения письменных источников.

Снова на страницах хроник Мекленбург появляется в 1066 году, описываясь как «знаменитый город ободритов» и место проживания семьи князя Готтшалька. Перенос столицы в Любицу князем Генрихом Готтшальковичем произошёл в конце XI века, однако и после этого крепость Мекленбург оставалась одной из важнейших. В XII веке Гельмольд упоминает здесь продажу до 700 датских рабов «в рыночные дни» после удачных походов славян на Данию (Гельмольд, II, 13), из чего можно заключить, что город был известен, в том числе, и как крупный рынок, куда поступали привозимые морским путём товары (в данном случае – рабы). Схожая ситуация наблюдается и для столицы варов Старигарда, для которого сообщается о существовании некой «приморской области города», впоследствии разрушенной данами (Гельмольд, II, 13). Этот рынок продолжал существовать рядом со Старигардом и после его разрушения в XII веке, так как епископ Винцелин получил от графа Адольфа владения, прилегающие к руинам Старигарда и ещё действовавшего рынка в районе 1150 г. Также сообщается и о нахождении рядом с Любицей еженедельного, проводившегося по воскресениям рынка, на который «собирался весь народ этой земли», т. е. Вагрии (Гельмольд, I, 83).

Все три свидетельства хорошо дополняют друг друга, подтверждая связь княжеских резиденций и племенных столиц с торговой деятельностью, больших еженедельных рынках рядом со столицами и рыночных днях, куда стекалось большое число местных жителей и привозились товары, добытые за морем. Нахождение вблизи княжеской крепости облегчало сбор налога, одновременно местная знать получала и удобную возможность для приобретения заморских предметов роскоши и редких товаров, а купцы – защиту от гарнизона крепости. С другой стороны, постоянное присутствие иноземных купцов и товаров не могло не оказывать и культурного влияния на местную знать. Особенно хорошо это стремление знати к подражанию «величественным» обычаям соседних немецких и датских правителей прослеживается в археологии Старигарда – как в большом числе импорта со всей Европы и даже Азии, так и в подражании архитектуре резиденций франкских императоров, «знатном» датском погребальном обычае погребения в повозке. При этом показательны и сохранение собственных «княжеских» погребальных традиций камерных погребений и домовин, с началом христианизации трансформировавшихся в несоразмерно большие гробы. Такие тенденции отчётливо показывают, что причиной перенятия некоторых традиций была вовсе не «метисация» или скандинавская колонизация, а лишь стремление местной знати не уступать в роскоши или пышности ритуалов правителям соседних стран, вполне сохраняя при этом, по единогласному утверждению всех источников, славянское самосознание.

Ни в одной из трёх упомянутых выше столиц археологически подтвердить описанные в хрониках рынки не удалось, лишь в Любеке у стен крепости были обнаружены следы застройки и ремесленного района, что сопряжено со сложностями раскопок. Проводившиеся на окраине крепости Мекленбург в 1970-х годах раскопки части вала ожидаемо не дали

богатого материала, проведение же раскопок в центре городища невозможно из-за нахождения там кладбища. Интересными в вопросе исследования причин появления южно-балтийского торгового пути в то же время кажутся датировки брёвен Мекленбургской крепости, по которым её основание пришлось на конец VI века. Основание торгово-ремесленного поселения в Гросс Штрёмкендорфе по дендрохронологии датируется первой половиной VIII века. Застройка его землянками в «шахматном порядке» указывает на то, что оно возникло не из разросшейся рыбацкой деревни, а основание его носило спланированный характер. Всё это, наряду с сообщением франкских анналов об экономической важности Рерика для Дражко, позволяет видеть в основании этого, одного из самых ранних торговых центров балтийских славян, результат деятельности и осознанной политики ободритских князей.

Схожая ситуация наблюдается и на Рюгене. В конце VIII или в начале IX вв. на берегу Большого Ясмундского залива, в 6 км от известной впоследствии как резиденция и столица рюгенских князей крепости Ругард (впоследствии и по сей день столица Рюгена – Берген), расчищается от леса и выжигается место для будущего торгово-ремесленного центра (впоследствии – деревня Ральсвик). Целый ряд факторов, таких как упорядоченная застройка, наличие и обустройство портовой гавани с пристанями для кораблей в самой ранней фазе существования поселения, так и обнаруженный в одном из домов этой первой фазы большой клад арабского серебра, привезённого сюда из Хазарии через северорусские земли уже в середине IX века, также свидетельствует о спланированном основании Ральсвика в результате политики рюгенских князей. Из крепости Ругард не было взято дендропроб, однако палинологическая датировка её началом IX века такому ходу событий не противоречит. Найденные в Ругарде указания на торговлю – весы, гирьки и комплекс арабских монет начала IX века – дают этому предположению дополнительные аргументы. Показательно и то, что старшая из найденных в Ругарде арабских монет датируется 822 годом, в то время как старшая монета ральсвикского клада – 844, что можно рассматривать как указание на более раннее появление торговых контактов Ругарда с Восточной Европой, чем Ральсвика, очевидно, для более удобного поддержания этих контактов и основанного.

Схожим образом ситуация обстоит и в случае основанных в VIII веке торгово-ремесленных центров в Диркове и Менцлине. В непосредственной близости от Диркова известно сразу три славянских крепости: Росток-Петрибляйхе (ок. 2 км), Кессин (ок. 5 км) и Фрезендорф (ок. 8 км). С исторической точки зрения на контролировавшую Дирков крепость более подходит кессинская крепость, по всей видимости, являющаяся остатками исторического славянского города Кессин – столицы одноимённого племени, в результате чего она должна была быть и княжеской резиденцией.

В случае Менцлина на роль контролировавшей могут претендовать славянская крепость в деревне Грюттов и город Анклам. Многочисленные находки оружия, импорта из Руси иклады арабского серебра из Анклама и расположенной между ним и Менцлином деревни Гёрке, свидетельствуют, скорее, в пользу последнего предположения. Некоторые находки из Гёрке, например, орнаментированный сакс VI века, датируют появление здесь военных дружин или знати ещё до основания торгово-ремесленного центра, что хорошо согласуется с общей картиной появления и развития приморских торговых центров в славянских землях к западу от Одры. Таким образом, появление торгово-ремесленных пунктов на южной Балтике от Ютландии до Одры можно связать с политикой славянских князей, их экономическими (доходы от сбора налогов) и культурными (роскошь) интересами.

Иначе дело обстояло в поморских землях к востоку от Одры. Торговые центры здесь возникают на месте существовавших уже долгое время до этого рыбацких, крестьянских или соледобывающих поселений. Характер поселений, увеличение роли торговли и ремесла, появление импорта и кладов в округе здесь происходит одновременно с превращением вышеупомянутых деревень в крепости. Таким образом, речь здесь уже в VIII веке шла о

торговых городах, без разделения на открытый эмпорий и контролировавшую его крепость. Причины несколько иного развития поморских городов можно найти в отличиях социального строя поморян в ранний период. Согласно сообщению ибн-Якуба, племя унана (или убаба), жившее на морском берегу, не имело своих королей, а власть принадлежала старейшинам. Из соседних славянских племён схожий социальный строй был характерен для северной части велетов или вильцев, в то время как у ободритских племён с раннего времени отмечается сильная княжеская власть, а на Рюгене главенствующую роль занимало жречество, при одновременном выделении очень высокого титула местных правителей.

Постепенным развитием «городов-республик», одновременно совмещавших в себе и торговые центры, и крепости, получает объяснение и отмечаемые в источниках большие, по сравнению с соседними племенами, размеры их городов. Приморский город племени унана/убаба, имевший 12 ворот и порт, описывает уже ибн-Якуб. Адам Бременский и Гельмольд называли поморский город Юмну самым большим в Европе. Схолия 121 к тексту Адама также отмечает различие между расположенными по соседству Рюгеном и городом Юмна, что только у рюгенцев был собственный король. Различия могли быть обусловлены разным происхождением племён, к примеру, общим происхождением поморских и северно-велетских племён. Обращает на себя внимание, что для последних до IX века также были характерны большие крепости (так называемый тип «больших фельдбергских крепостей на высотах»).

Имеющийся на настоящий момент материал позволяет частично реконструировать на основании археологии и исторических источников историю развития торговых отношений между балтийскими славянами и землями северной Руси следующим образом. В VIII веке в результате политики и покровительства славянской знати возле важнейших княжеских столиц и под их контролем на юге Балтики между Ютландией и устьем Одры основывается ряд торгово-ремесленных центров «открытого типа», сбор налога с которых является одним из важных источников пополнения княжеской казны: «приморский район» Старигарда в Вагрии, Рерик/Гросс Штрёмкендорф в Висмарской бухте, Дирков в устье реки Варнов, Менцлин в устье реки Пены, Ральсвик на берегу Большого Ясмундского залива на острове Рюген. В это же время начинается процесс превращения бывших рыбацких, крестьянских, ремесленных и соледобывающих поселений в торговые города в устье Одры: Волин, Щецин, Колобжег. История их развития несколько отличается от западных открытых торговых поселений, что, по всей видимости, было обусловлено различиями в социальном строе восточных балтийско-славянских племён поморян и велетов и меньшим влиянием Франкской империи. Таким образом, закладывается основа для сложения южнобалтийского торгового пути, окончательное сложение и начало функционирования которого можно датировать второй половиной-концом VIII века.

Самые ранние контакты с Восточной Европой прослеживаются в основном по арабским монетам VIII века. Для Старигарда это несколько аббасидских монет, найденных при раскопках крепости. Арабские дирхемы второй половины VIII века известны и из Гросс Штрёмкендорфа, однако в виду того, что детальные данные по сделанным с начала 90-х гг. находкам ещё не были опубликованы, судить в этом случае было бы преждевременно. Арабские монеты 783–784 гг., найденные в Росток (Kiersnowscy 1964, S. 57, 58) можно связать с существовавшим в VIII веке торгово-ремесленным центром в Росток-Диркове. Многочисленные дирхемы VII–IX вв. найдены в торговом центре в Менцлине (Bleile/Jöns 2006, S.91). Археологи Р. Бляйле и Х. Йонс подозревали происхождение из Ладоги и в найденном в Менцлине отлитом из бронзы изображении человеческого лица, датировка которого в этом случае также пришлась бы VIII веком (Bleile/Jöns 2006, S.90). Находки монет VIII века известны из польской части Поморья – из Карсибора (714/715) (Kiersnowscy/Kiersnowscy 1959, S. 56), крепости Барды (786–814 гг.) (Filipowiak 1989, S.709), города Волина, островов

Узедом и Волин (Wehner 2007, S. 51, Abb. 21). Концом VIII века, 789 годом, датируется и клад из Пенцилина в восточном Мекленбурге (Kiersnowscy 1964, S. 52).

Другим возможным указанием на торговые контакты с северорусскими землями могла бы стать одна из находок керамики, классифицированная шведским исследователем Т. Брорссоном как ладожский тип. По мнению специализирующегося на северорусской керамике археолога А. Плохова эта классификация была неверной.

Однако расцвет торговли южной Балтики с Восточной Европой приходится на следующий IX век, причины чего можно усмотреть, в том числе, и в изменении политической ситуации в Западной Европе. В конце VIII – начале IX вв. ободритское королевство находилось в близких союзнических отношениях с Франкской империей. В это время в их подчинении находились и северо-западные саксонские провинции Вигмодия, Нордальбингия и, по всей видимости, часть Барденгау, начало славянского заселения которой началось ещё в VII веке. Эти близкие связи прослеживаются и в археологии – так, спектр находок из Гросс Штрёмкендорфа/Рерика, заметно отличается от прочих славянских торговых центров гораздо большим процентом франкской, фризской и саксонской керамики, франкскими украшениями. Чуть менее тесны, однако так же отчётливо заметны и торговые контакты с соседними данами. Дружественные отношения с данами, прослеживающиеся до начала века по торговым контактам, не меняются даже несмотря на короткий период противостояния, отразившийся в нападении Готтфрида и убийстве им Дражко в 808/809 гг. и ответном походе ободритов и саксов в Ютландию и на датские острова в 815 году.

Возможно, не только одновременные смены правителей, но и какие-то перемены политики самих франков, отразившиеся, например, в установлении Диденхофским капитулярием запрета на продажу славянам оружия в 805 году, привели к постепенному разрыву ободритско-франкского союза и новому сближению ободритов с данами. В 817 году князь Славомир объявляет франкам войну и в сопровождении датского флота нападает на франкскую крепость-колонию в Нордальбингии. В 821 году вместе с данами выступает против франков сменивший Славомира Чедраг. Не меняет общей картины и упоминание послов ободритов при дворе франкского императора в 822 году – начиная с первой трети IX века отношения славян с Франкской империей то и дело переходят в открытое противостояние, отразившееся в основании франками приграничных крепостей на Эльбе и многочисленных войнах, продлившихся до окончательного поражения ободритов на реке Раксе в 955 году и первого принятия христианства их правителями во второй половине X века.

Ввиду этих, зачастую ежегодных, войн и взаимных нападений славян и франков и саксов, события, происходившие на юго-западе Балтики с первой трети IX до второй половины X в., практически полностью выпали из поля зрения западноевропейских хронистов. Путаница Франкскими анналами имён и событий середины IX века, наглядно показывает, насколько отрывочными и недостоверными были сведения о юге Балтики, доходившие до хронистов тех лет. Противостоящую франкам и саксам силу Франкские анналы называют норманнами, славянами, чаще же – просто язычниками, лишь в очень редких случаях упоминая, о каких конкретно племенах и народах идёт речь. Возможно, в этом разрыве отношений и переходу к долгой перманентной войне с западными и южными соседями славян – Франкской империей и саксонскими племенами – и как следствие, потери западных торговых партнёров, стоит искать связь с всплеском торговли южной Балтики с Восточной Европой. Именно с этого периода, со второго десятилетия IX века, фиксируется большой приток арабского серебра, отразившийся в многочисленных кладах.

Клады арабского серебра IX века известны из Прерова на полуострове Дарс (803 г.) (Kiersnowscy 1964, S. 52, 54), Анклама (811 г.) (Rüchhöft 2010, S. 460, 461), крепости Ругард (815 г.) (Kiersnowscy 1964, S. 52, 58) и торгового центра в Ральсвике (844 г.) – оба на острове Рюген, Гжибово (815 г.) (Kiersnowscy/Kiersnowscy 1959, S. 51) и Карнице (867 г.)

(Kiersnowscy/Kiersnowscy 1959, S. 55, 56) – оба неподалёку от Колобжега, Ной-бранденбурга (819 г.) (Kiersnowscy 1964, S. 52, S. 48, 49), Пиннова (864 г.) (Kiersnowscy/Kiersnowscy 1959, S. 81). Ранние клады арабского серебра находят, особенно в устье Одры, сравнительно часто, к примеру, только в 2000-х гг. у слияния Пены и Одры было найдено два клада IX и X вв., которые ещё не попали на карты, хотя приведённая выше карта была неполной.

Однако по картам развития торговых центров и городов на юге Балтики, как и по приведённым выше не самым актуальным и полным картам выпадения кладов, нетрудно заметить, что наибольшей торговой активностью с самого раннего периода был отмечен регион устья Одры, включая прилегающие к нему земли к северу от реки Пены и остров Рюген. Клад арабского серебра из Ральсвика на Рюгене настолько показателен в плане выявления ранних торговых контактов с Русью, что заслуживает того, чтобы остановиться на нём подробнее. Найденный в одном из жилых домов первой фазы существования торгового центра (конец VIII – середина IX вв.), этот клад, таким образом, должен был принадлежать одному из проживавших на Рюгене купцов. Общий вес в 2750 грамм (около 2211 монет и их частей) делает этот клад самым большим, из известных на Балтике до 850 года, подчёркивая роль Рюгена на Балтике в этот период. По мнению исследовавшего монеты клада А.В. Фомина, клад должен был сложиться на территории Хазарии (Fomin 2006) и, судя по тому, что самые поздние из чеканок (старшая монета – 844 г.) не выказывали следов длительного использования, должен был быть доставлен на остров ненамного позднее этой даты. Найденные в кладе помимо арабского серебра так называемые «пермские украшения» – серебряные браслеты, бывшие в ходу у финно-угорских племён северо-восточной Европы и верховьев Волги – говорят о том, что по пути рюгенские купцы должны были торговать и с финно-уграми. На это же может указывать и сам спектр находок в Ральсвике, где исследователями было выявлено или подозревается исключительно высокое для юга Балтики число предположительно финно-угорских или балтских вещей.

Неизвестность кладов арабского серебра этого периода в более западных регионах, может иметь то объяснение, что большинство из них было утеряно ещё до инвентаризации. К примеру, из 13 известных на 1972 год кладов Вагрии славянского периода, 5 было утеряно (Vogel 1972, S. 60, S.66).

В качестве возможных товаров, которые гипотетически могли предложить в Восточной Европе рюгенские купцы, можно представить оружие собственного или франкского производства, железные изделия, производившиеся в Ральсвике, и в ещё большей степени – рабов, захваченных в ходе пиратских набегов. В дальнейшем рюгенские славяне будут известны своим пиратством. В то же время карта находок монет типа Ард-аль-Хазар из ральсвикского клада не позволяет предположить посредство скандинавов в торговле Рюгена с Восточной Европой.

Находки монет Ард-аль-Хазар в Европе в IX веке (по: Fomin 2006)

В этом плане находку ральсвикского клада можно назвать самым показательным подтверждением функционирования южно-балтийского пути, как пути, соединявшего, в первую очередь, славян юга Балтики с Хазарией, арабскими купцами и северной Русью. Находку ещё одного «пермского» браслета в Шверинсбурге, немного южнее устья реки Пены, также можно связать с деятельностью рюгенских славян – в 11 веке, которым датируется второе украшение, Адам Бременский упоминал их как население расположенного на Пене города Деммина, бывшего, в свою очередь, одним из звеньев южно-балтийского пути.

В середине X века, после практически не прекращавшихся полтора века войн, происходит завоевание большинства славянских земель юга Балтики, от Ютландии до устья Одры, саксонцами. В источниках можно встретить информацию о подчинении ободритов Генрихом Птицеловом уже в 930-х годах. Однако окончательное принятие ими саксонского вассалитета произошло лишь после битвы на Раксе 955 года, подробно описанной Видукиндо Корвейским. Войска ободритских князей Накона и Стойгнева были разбиты, один из братьев (Стойгнев) казнён, другой же (Након) сохранил власть и, по всей видимости, вынужден был принять христианство. Согласно Видукинду, не в малой степени исход битвы помогли решить рюгенские славяне, выступившие на стороне саксов против ободритов.

После завоевания южной Балтики и принятия христианства князем Мстивоем-Биллунгом в Саксонию начинает поступать гораздо больше информации о жизни здешних славян. Одним из важнейших источников этого времени является описание земель Накона, оставленное посетившим его страну предположительно в 960-е годы еврейским купцом Ибрагимом ибн-Якубом. Оно же, по всей видимости, являясь древнейшим упоминанием пути «из варяг в греки» («славяне отправляют свои товары по суши и морю на Русь и в Константинополь»), любопытно ещё и тем, что указывает на изменения направлений торговли, произошедших после образования в Восточной Европе русского государства с центром в Киеве. Если археология указывает на использование балтийскими славянами в IX веке Волжско-балтийского пути и направленности их на торговли с северной Русью, финно-угорскими племенами, Хазарией и арабскими купцами, то упоминание ибн-Якубом Константинополя как конечной торговой цели наряду с Русью, говорит о том, что присутствие

купцов балтийских славян в это время можно ожидать и на Днепре, в Киеве, как и в самой Византии. Подтверждения таким контактам можно найти и в археологии. Через несколько лет после сообщения ибн-Якуба о торговле балтийских славян с Русью (960-е гг.) к власти в Киеве приходит Владимир Святославич (970 г.), начавший чеканить собственные монеты, находки которых известны из кладов западного Поморья и нижнего течения Варнова. Неизвестность их в Швеции и Бирке также не позволяет увидеть в это время посредничество скандинавов в торговых контактах юга Балтики с Русью.

Находки серебряников князя Владимира (по: Müller-Wille 2011)

На X век приходится и наибольший расцвет торговых городов устья Одры. Только из Волина в этот период известно не менее 8 кладов. Значительное увеличение числа кладов характерно в это время и для других земель балтийских славян.

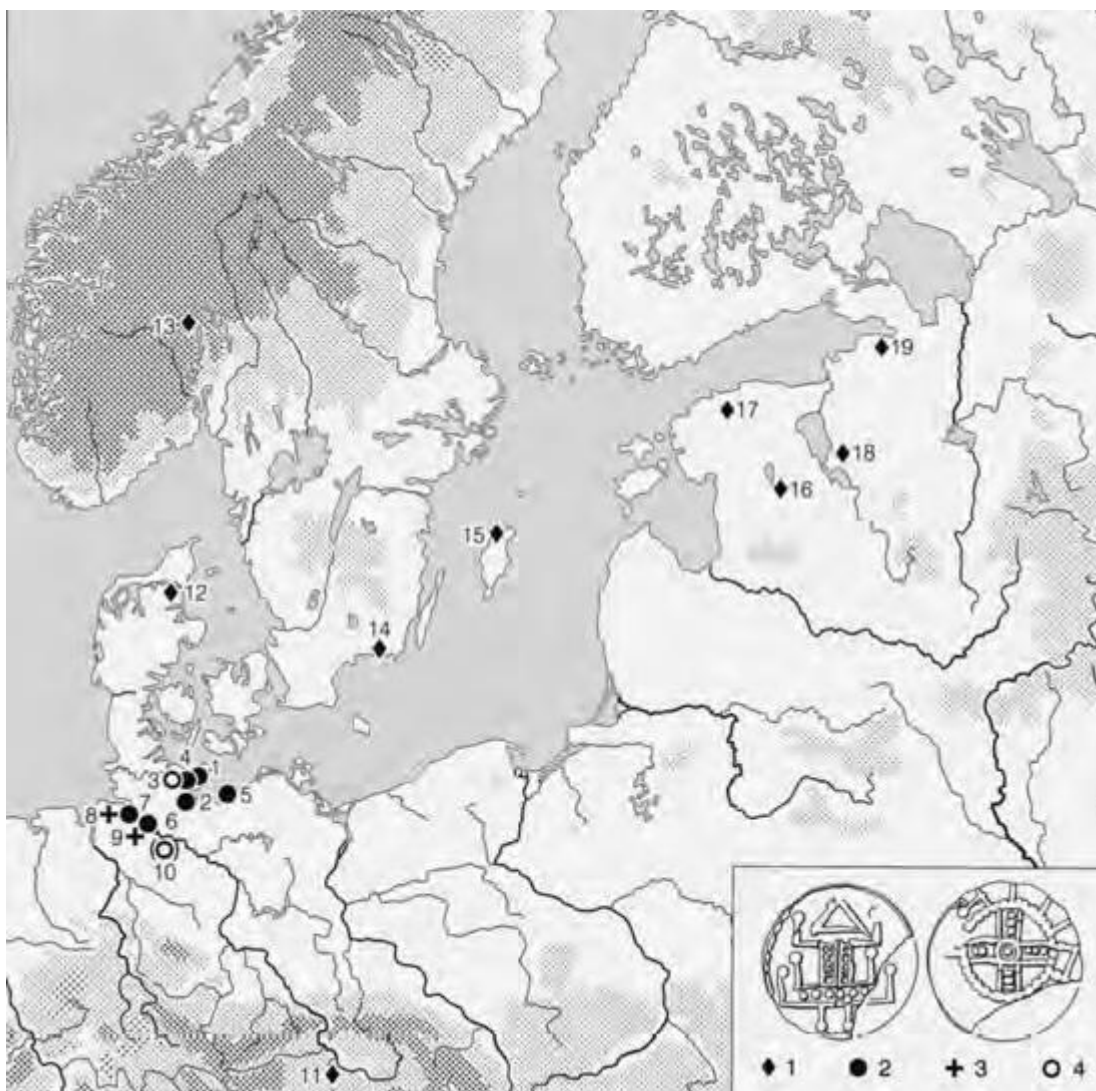
Вассальная зависимость славян южной Балтики от Саксонии продлилась недолго и была уничтожена в ходе славянского восстания уже в 983 году. Куда более значительное влияние на ход истории оказало принятие христианства ободритскими князьями. Во время восстания Мстивой-Биллунг бежал в Саксонию, где должен был быть хорошо принят, возможно, из-за династических связей (Гельмольд сообщает, что он был женат на сестре ольденбургского епископа Ваго). С этого времени начинается история христианской ободритской династии, политика которой определялась поддержанием близких отношений и династических связей с данами и саксами, но сталкивалась с полным неприятием, нередко заканчивающимся восстаниями против попыток христианизации славянских земель. Эти тесные контакты с Саксонией становятся хорошо заметны покладам. Если в VIII–IX веках вкладах встречается исключительно или преобладают арабские монеты, то с X века доля саксонских монет в них начинает расти. Такая тенденция впоследствии будет только усиливаться, хотя в X веке доля арабских монет ещё достаточно велика. В качестве показательного примера можно назвать находки монет в Вагрии. В кладе первой трети X века из Гикау преобладали арабские чеканки, но в незначительной доле уже были представлены и западноевропейские монеты. Хазарские чеканки говорят об использовании Волжско-балтийского пути (MüllerWille 2011, S. 259).

В другом кладе из Вагрии, найденном возле деревни Ватерневерсторф, оставленном во второй половине X века (976 г.) (Müller-Wille 2011, S. 260), доля западноевропейских монет составляет уже около %. Присутствие в кладе волжско-хазарских чеканок говорит об использовании Волжско-балтийского торгового пути, в то время как появляющиеся монеты из Византии хорошо согласуются с сообщением ибн-Якуба о торговле балтийских славян с Константинополем через Русь, примерно в это же время. Также и усилившиеся связи с

немецкими землями становятся понятны, учитывая окончательное подчинение ободритов саксонцами в 955 году и создании в Вагрии первого на юго-западе Балтики епископства в Старигарде/Ольденбурге в конце 960-х или начале 970-х.

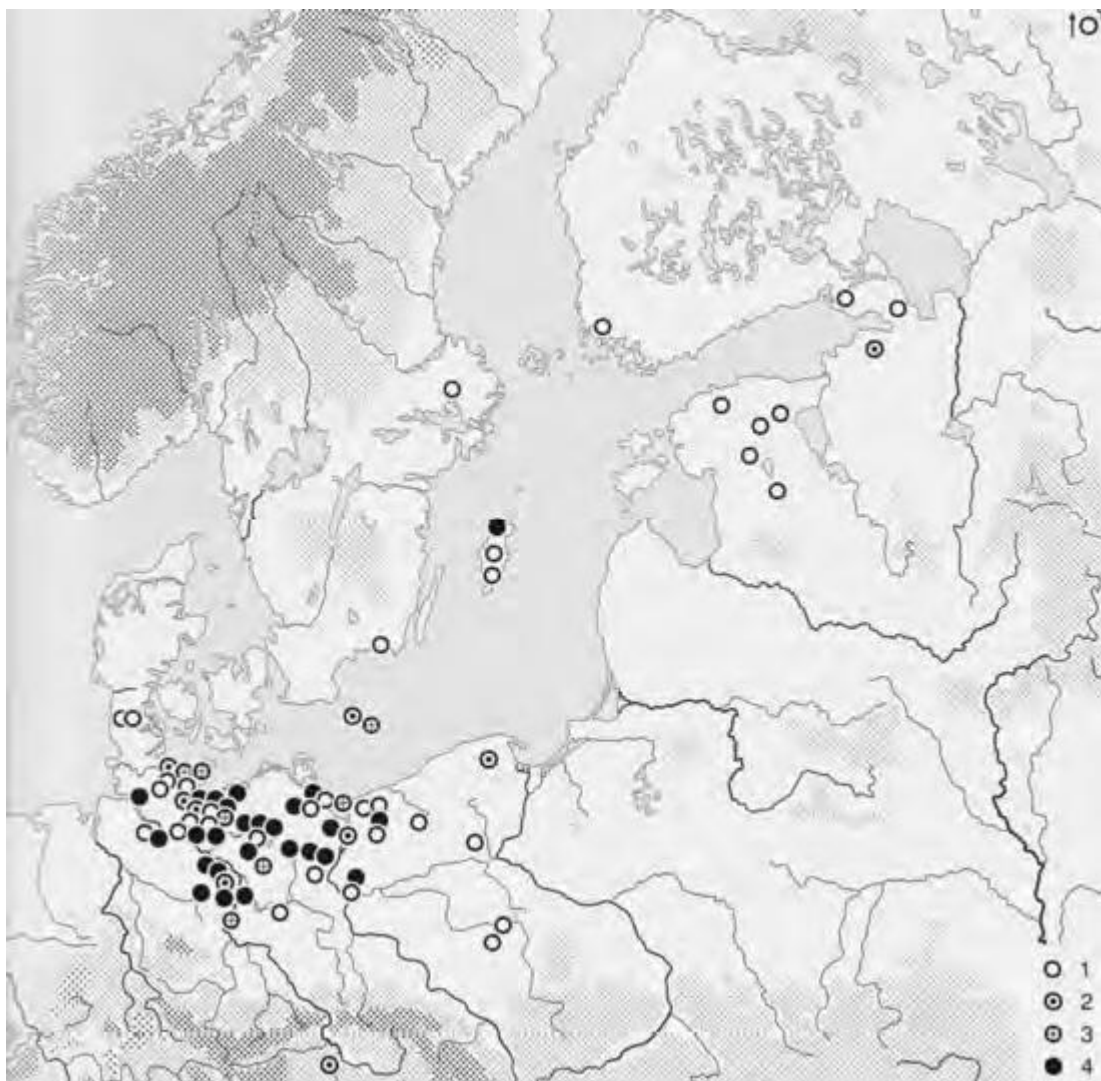
Та же ситуация прослеживается и по находкам монет в самом Старигарде. В то время как монеты VIII– первой трети X вв. представлены исключительно арабскими чеканками, со второй половины X века здесь встречаются уже западноевропейские монеты.

В XI веке арабские монеты практически выходят из употребления в Западной Европе, что связано, в первую очередь, с процессами, происходившими в самих восточных странах. Однако сомневаться в функционировании южно-балтийского торгового пути в последующих веках не дают описания Адама Бременского и Гельмольда. С этого времени становится возможным подчеркнуть контакты балтийских славян с восточной Прибалтикой и северной Русью с помощью нумизматического материала уже собственно южной Балтики – находкам нижнеэльбских агриппинов и монет ободритского князя Генриха, отчётливо маркирующих всё тот же, хорошо известный с IX века маршрут. Находки импорта из Киевской Руси этого времени, вроде глазированной керамики и «киевских писанок» (Gabriel 1991 b, S. 262), овручский шифер (Brather 2001, S. 244) или карнеоловых бусин (Brather 2001, S. 241), а также многочисленные восточные и византийские вещи и украшения лишь дополняют общую картину.

Находки монет Генриха Любекского (по: Mülle-Wille 2011)

Прослеживающиеся, таким образом, торговые связи позволяют говорить о существовании прямого сообщения населённого славянами юга Балтики с русскими землями на протяжении всего раннего Средневековья, начиная не позднее, чем первой половиной IX века и просуществовавшими вплоть до немецкой колонизации этих земель в XII веке. Отчётливо заметная связь развития морской торговли на юге Балтики с интересами и политикой славянской знати говорит о значении этой торговли для местной экономики и позволяет объяснить многие происходившие в регионе события. С конкуренцией и стремлением к контролю над территориями, по которым пролегали торговые маршруты и обеспечением прав на сбор налогов с богатых торговых городов можно связать, к примеру, некоторые войны: поход Готтфрида 808 года, участие рюгенских славян в битве на Раксе в 955 году, завоевания Генриха Готтшальковича в XI веке и рюгенско-поморские войны XII века.

Находки нижнеэльбских агруппинов (по: Mülle-Wille 2011)

Это же стремление к контролю над морскими торговыми маршрутами можно подозревать и в случае славянской колонизации соседних датских островов. Особенно любопытной здесь кажется археология Борнхольма, где славянские следы обнаруживаются в связи с указаниями на торговлю. В случае колонизации островов Фальстера, Мёна и Лолланда ситуация выглядит не столь однозначной. Датская история X-XII вв. достаточно хорошо

известна, потому оставшееся незамеченным письменными источниками славянское завоевание и колонизация таких масштабов кажутся несколько подозрительными. Гораздо более вероятной кажется датировка этих событий временем до середины X века, в особенности всё тот же «тёмный» период середины IX – до середины X вв., когда путаница данов и славян в сообщениях франкских источниках не позволяет точно судить об истории юга-запада Балтики того периода. А вместе с тем, в это время на юге Балтики должны были произойти и другие, не менее значительные события.

Во второй половине IX в. прекращает существование большой и мощный союз велетов, распавшись на северную, впоследствии известную как союз лютичей, и южную части. Несмотря на постоянные войны, немецкого подчинения этих земель до первой трети X века не произошло, потому за этим скорее должны были стоять какие-то события, произошедшие в самих славянских землях. К противостоянию велетов и ободритов на юге Балтики, связываемому франкскими летописцами со «старинной враждой», по всей видимости, присоединяются рюгенские славяне, экспансия которых на континент по источникам прослеживается с середины IX века. Археологически же начало рюгенской экспансии, частичное или полное подчинение или, по крайней мере, включение в свою «сферу влияния» земель к северу от реки Пены и устья Одры, прослеживается по распространению здесь в это время рюгенской фрезендорфской керамики. Причины её можно подозревать всё в том же стремлении к контролю над самым богатым участком южно-балтийского торгового пути от Деммина до Волина.

Эти внутренние славянские войны использовались впоследствии саксами для завоевания юга Балтики, как это видно на примере 955 года, когда рюгенские славяне выступили союзниками саксов против ободритов в решающем сражении на реке Раксе. Внутренние славянские войны, предполагаемое противостояние Старигарда и Мекленбурга с Рюгеном, наряду с внешним наступлением немцев на ободритов с юга, можно предположить в качестве одной из причин исхода славянского населения, поиска ими новых земель и колонизации ближайших датских островов. Датское участие во всех этих событиях, если такое имело место, остаётся невыясненным. Прочные династические связи ободритов и данов с начала XI века, как и упоминания совместных нападений ободритов и данов на Саксонию в более ранние времена, начиная с первой трети IX века, говорят скорее о том, что даны могли быть в этом противостоянии на стороне ободритов, в то время как рюгенские славяне выступали на стороне саксов. Так или иначе, какие-то оставшиеся незамеченными в западноевропейских хрониках события должны были привести к кардинальным изменениям политической ситуации на юго-западе Балтики в середине IX – до первой трети X вв., отразившись и на соседних не славянских регионах.

История развития южно-балтийского торгового пути, таким образом, оказывается неразрывно связана с историей балтийских славян. Как это часто бывает в истории, то, что на протяжении веков было причиной возвышения как отдельных городов, так и целых королевств, не в малой степени давало разрозненным племенам балтийских славян ресурсы для успешного многовекового противостояния намного превышающим их силам Франкской империи и немецких королевств и способствовало сложению особенной материальной культуры юга Балтики, в конечном итоге послужило и причиной их гибели. Можно предположить, что именно стремление к контролю над южно-балтийским морским путём во многом спровоцировало немецкую колонизацию XII века. Развитая инфраструктура городов и остановок на южно-балтийском пути, отработанные морские маршруты и торговые контакты с другими землями были использованы и развиты немецкими колонистами, став основой сначала для «союза вендских городов», а в последствии и для Ганзейского союза, основу для которого на юге Балтики составили всё те же древние торговые славянские города – Любек, Росток, Деммин, Щецин...

Нельзя не отметить и культурного влияния южнобалтийского торгового пути на балтийских славян. В силу ряда обстоятельств, а именно – преемственности балтийских славян с более древним населением юга Балтики, культура которого был очень схожа с культурой континентально– и северогерманских народов, так и теснейшее взаимодействие с соседними континентально– и северогерманскими племенами (саксами, фризами, данами, свеями и др.) в период VI–VIII вв. привело к появлению здесь особой культуры, достаточно сильно отличавшейся от культуры прочих славян, живших на континенте. Для ободритов, рюгенских славян, поморян и даже вильцев был характерен так называемый «скандинавский погребальный обряд» – захоронения с ладье, камерные захоронения и каменные кладки у подножия курганов. Также и большое число украшений с «северной» символикой – в первую очередь, равноплечных, овальных, дисковидных и прочих фибул, как и трапециевидных и «молотообразных» подвесок, в историографии получивших название «молоточков Тора», указывает на большое сходство культуры юга Балтики в первую очередь с северогерманскими народами.

Ранее большинство из этих балтийско-славянско-скандинавских параллелей в материальной культуре объясняли присутствием скандинавов в южнобалтийских городах, однако детальное исследование приморских торговых центров южнобалтийского пути выявило местное производство многих из этих амулетов и фибул, как и славянскую принадлежность камерных и лодочных захоронений. Отличить балтийского славянина из торгового центра вроде Менцлина, Ральсвика или Волина от скандинава в большинстве случаев оказывается невозможным для археологов, в результате чего весь юг Балтики в настоящее время маркируется на археологических картах как «зона распространения скандинавского погребального обряда и материальной культуры». Такую формулировку, впрочем, нельзя признать особенно удачной. На самом деле, культурный обмен южного и северного побережья Балтики был одинаково интенсивным в обоих направлениях, и славяне оказывали в это время на скандинавов не меньшее культурное влияние. Многие области Скандинавии – несколько областей Ютландии, целый ряд крупных островов между Ютландией и Швецией, как и принадлежавшая в то время Дании, расположенная за западе современной Швеции область Сконе и остров Борнхольм – были частично или массово колонизированы балтийскими славянами в раннем Средневековье. Влияние славянской материальной культуры прослеживается по практически повсеместному распространению славянской керамики в датских средневековых провинциях, как и, чуть менее массово – в Швеции и Готтланде. Речь в настоящее время идёт уже не об импорте славянской керамики, а настоящем переходе скандинавов на славянскую керамику, для которой скандинавскими археологами теперь употребляется «нейтральный» термин «балтийская керамика». Так же в Скандинавии в больших количествах известны и другие, характерные для юга Балтики находки – клады чехлов для ножей, серьги, височные кольца и пр. Вместе с целым пластом заимствований в северогерманские языки из славянского, связанных с торговлей и мореплаванием («торг», «ладья», «безмен», «шёлк» и др.) перед исследователями предстаёт отчётливая картина – сложение морских торговых путей, связывающих славянские земли со Скандинавией, привело к интенсивному культурному обмену между славянскими и германскими культурами и традициями, в результате чего уже в конце VIII века по всей Балтики начинает складываться общая «циркумбалтийская культура». Славяне, в первую очередь – славяне южной Балтики – не просто заимствовали германские культурные элементы, а именно принимали активное участие в создании этой материальной культуры и были настолько же равноправными её наследниками, как и сами скандинавы.

Глава III

Варины, которых называли ободритами

В средние века ободриты занимали самую северозападную часть огромного средневекового славянского мира. Западной границей их расселения был полуостров Вагрия в южной Ютландии, южной – река Эльба, по-славянски называемая Лабой, на северо-востоке – река Варнов в районе современного города Шван. О прохождении юго-восточной границы не сохранилось достоверных свидетельств, её могло быть или верхнее течение реки Варнов или Мюрицкое озеро. Таким образом, ободриты граничили на западе с саксами-нордальбингами (жителями исторической области Нордальбингия, между полуостровом Вагрия, устьем Эльбы и Северным морем), на юге с саксами-бардами, на востоке со славянами велетами или лютичами, а на севере с данами в районах исторической области Англия и города города Хаитабу/Шлезвиг. Ободритам принадлежали также и некоторые острова в Балтийском море, из которых самым крупным был остров Фемарн (предполагается происхождение названия от славянского «в море») и ряд более мелких островов в Висмарской бухте. Также в средневековье славянами были колонизированы прилегающие к ободритским землям, но находившиеся в зависимости от Дании, острова Лолланд, Фальстер и Мён. Отдельные славянские колонии были известны и на других датских островах и в Южной Ютландии.

Расселение по морскому побережью и тесное соседство с германскими народами определяло историческое развитие ободритских племён, в жизни которых постоянные войны как с саксами и данами, тесные культурные контакты и династические связи с ними играли значительную роль. В то же время, мореходство, торговля, колонизация новых земель и стремление к контролю над торговыми путями, составляли не меньшую часть экономики, чем также очень развитое земледельчество и скотоводство и так же определяли политику местной знати. Кроме собственно славянских земель, ободритам на протяжении длительного времени подчинялась и изначально саксонская провинция Нордальбингия (*нем.* «земли к северу от реки Эльбы»), непродолжительное время – саксонская область Вигмодия (между современными городами Гамбургом и Бременом), в отдельные периоды – также жившее на Эльбе племя линонов, изначально, по всей видимости, принадлежавшее к велетским племенам, а, начиная с XI века, также лютичские племена хижан и чрепнян.

Изначально ободритские земли в то же время имели и внутреннее деление на 3 области – область племени вагров или варов (полуостров Вагрия в южной Ютландии, от реки Эйдер на северо-западе до реки Травы на юго-востоке), область смельдингов и, позднее, полабов (земли к северу от нижнего течения Эльбы, примерно между современными городами Дёмиц и Ратцебург) и землю варинов, ререгов или ободритов в узком смысле (от реки Траве на западе до Зверинского озера на юге и реки Варнов или Мюрицкого озера на востоке). Баварский Географ во второй половине IX века сообщал, что у северных ободритов (Nortabtrezi), граничивших с данами, было 53 города, и эта их земля делилась на более мелкие области, управлявшиеся более мелкими правителями. Такое положение вещей вполне подходит для полуострова Вагрия, где впоследствии Гельмольд описывал несколько провинций: Альденбургскую землю в центре в Старигарде, Плуньскую землю с центром в Плуне, Утинскую землю с центром в Утине, Лютеленбургскую землю с центром в Лютеленбурге, «приморскую область» и возможное указание на Любичскую землю.

Линоны, подчинявшиеся ободритам до 808 года, согласно Баварскому Географу, в IX веке имели 8 городов. В это же время ободритам подчинялось и племя смельдингов, обитавшее где-то в нижнем течении Эльбы и, очевидно, известное позднее как полабы или древане. Баварский географ сообщает, что у смельдингов, вместе с бенетичами и моричанами было 11

городов. Не ясно, имелись ли в виду южнобалтийские ободриты, под «восточными ободритами» (*Osterabtrezi*) для которых Баварский Географ указывает 100 городов, так как они указаны, как не граничащие на прямую с Франкской империей. Сложность заключается в том, что Франкские анналы знают в IX веке и «восточных ободритов» на юге Балтики, так и неких ободритов на Дунае, для которых географическое определение как «восточных» по отношению к франкам, так же было бы вполне естественно. Однако ввиду того, что ободриты на Дунае неизвестны ни из одного источника, кроме единственного краткого упоминания во Франкских анналах 824 года, так, что едва ли можно предположить существовавшее на Балканах в то время и настолько многочисленного и в тоже время оставшегося неизвестным племени, стоит принять под восточными ободритами Баварского Географа скорее восточную часть южнобалтийских ободритов.

Отделение восточных ободритов от северных ободритов в этом источнике в тоже время может иметь и более простое объяснение. Так, племена смельдингов, линонов, бенетичей и моричан названы им отдельно от ободритов и граничащими с империей. Эти племена жили по Эльбе и к северу от неё, отделяя Франкскую империю от собственно восточной части ободритов, так что франки действительно не граничили с ними напрямую. С северными же ободритами – полуостровом Вагрия, соответствующим описанию «граничившего с данами», и в тоже время напрямую граничившими с Нордальбингией, контролировавшейся во время создания этого описания, второй половине IX, в составе Франкской империи, франки граничили напрямую, подобно смельдингам или линонам. Таким образом, гораздо более вероятно, что под «восточными ободритами» Баварского Географа должна была подразумеваться восточная часть южнобалтийских ободритов. В таком случае подконтрольные ободритам земли могли насчитывать до отпадения линонов в начале IX века не менее 164–165 городов только в славянских землях к северу от Эльбы и – не менее 156–157 городов во второй половине IX века.

Принимая, что каждый город был центром небольшой области, состоящей по крайней мере из нескольких открытых крестьянских поселений, первые более-менее подробные описания земель ободритов представляют их крайне многочисленным народом. К примеру, для северных вильцев, бывших восточными соседями ободритов, и занимавших сопоставимые по размерам территории, Баварский Географ называет 95 городов. При том, что сами франкские источники во время похода Карла Великого на вильцев, характеризовали их как очень многочисленный народ. Для сравнения, для моравов Баварский Географ называет 40 городов, а для богемцев всего 15.

Несмотря на многочисленные упоминания ободритов на южном берегу Балтики, начиная с конца VIII века, первые подробные описания их земель относятся лишь к XI веку. После завоевания этих территорий Оттоном I в середине X века немецкими миссионерами предпринимаются попытки систематической христианизации бывших до этого язычниками южнобалтийских славян. Ободритские земли входят в Гамбургскую епархию, в племенных столицах и наиболее важных их городах возводятся церкви, монастыри и создаются епископства. Начиная со второй половины X века христианство распространяется среди высшей ободритской знати. Этот процесс не был быстрым и до начала XI века переход ободритских князей от язычества к христианству и обратно был явлением совершенно обычным. Принятие христианства давало вполне зависимым от немецких королей племенным князьям ощутимую политическую выгоду, однако основная масса народа до XII века оставалась убеждёнными язычниками, что, наряду с нововведёнными тяжёлыми церковными налогами, способствовало накоплению противоречий между народом и его правителями, приводя к частым восстаниям. Адам Бременский, написавший во второй половине XI века известный труд о истории гамбургского архиепископства, описывал эти земли следующим образом:

«Область славян, самая обширная провинция Германии, населена винулами, которых некогда называли вандалами; говорят, что она в 10раз больше, чем наша Саксония; особенно, если считать частью славянской земли Чехию и живущих по ту сторону Одера поляков, ибо ни по наружности, ни по языку они ничем от них не отличаются. Эта страна, изобилующая оружием, воинами и плодами, со всех сторон окружена лесистыми горами и реками, которые [служат] её надёжными границами. В ширину она [простирается] с юга на север, то есть от реки Эльбы до Скифского моря. В длину же она, начинаясь, по-видимому, в Гамбургском приходе, тянется на восток, включая неисчислимые земли, вплоть до Баварии, Венгрии и Греции. Славянские племена весьма многочисленны; первые среди них – ваангры, граничащие на западе с трансальбианами; город их – приморский Ольденбург. За ними следуют ободриты, которые ныне зовутся ререгами, и их город Магнополь. Далее, также по направлению к нам – полабы, и их город Ратцебург. За ними [живут] линоны и варнабы. Ещё дальше обитают хижане и черепняне, которых от толензян и редариев отделяет река Пена, и их город Деммин. Здесь – граница Гамбургского прихода» (Адам, II, 18(22)).

Таким же образом, с запада на восток, кажется естественным построить рассмотрение ободритских земель и в данной книге.

Вагры с полуострова Вагрия

Полуостров Вагрия, на котором обитало племя варов или вагров, расположен в восточной части современной федеративной земли Шлезвиг-Гольштейн и является южной границей Ютландии. На севере Вагрия граничит с датскими землями – исторической областью Англия – из которой, как предполагается, германское племя англов, вместе с частью соседних саксов переселилось ранее на Британские острова. Славянами был заселён также и прилегающий к Вагрии и отделённый от неё узким проливом остров Фембре, в настоящее время называющийся Фемарн, название которого, как предполагается, происходит от славянского «в море».

По морю Вагрия граничит с датскими островами Лолланд, Лангеланд и рядом более мелких. Столицей этой земли был город Старигард, называвшийся немцами Альденбург, ныне Ольденбург в Гольштейне, что представляет собой немецкий перевод славянского названия (от нем. «альт» – старый и «бург» – город). По сообщению Адама Бременского, острова Фембре и Лолланд были видны из столицы вагров невооружённым глазом:

«Недалеко от области славян находятся, насколько нам известно, три примечательных острова. Первый из них называется Фембре. Он лежит напротив вагров, так что его, как и Лолланд, можно видеть из Ольденбурга» (Адам, III, 18).

Как в русскоязычной, так и в немецкоязычной историографии для обозначения славянского племени, обитавшего на полуострове Вагрия, принято использовать форму «вагры», хотя, в действительности она отнюдь не является ни единственной, ни даже преобладающей в исторических источниках, на что уже обращалось внимание исследователями (Меркулов 2011). Напротив, наиболее ранние источники знают «вагров» как «варов». Первым соседнее с ободритами и связанное с ними, но управляемое своим князем, племя варов упоминает в конце X века Видукинд Корвейский в отрывке 3–68. В разных рукописях (A, B) известны формы написания Waris и Waaris: «Selibur praeerat Waris, Mistav Abdritis» (A) «Selibur praeerat Waaris, Mistav Abdritis» (B) (Селибур правил варами, Мистав – абдритами).

Видукинд Корвейский сообщает о двойном делении «ободритских» земель и управлении ими в X веке князьями Селибуром (возможно, Желибором), правившим варами и Миставом (Мстивоем). В начале XI века тоже самое подтверждает и Титмар Мерзебургский в отрывке 8–4: «et mens populi istius, qui Abodriti et Wari vocantur», «разум того народа, что зовётся абодриты и вары».

Сообщение Титмара не является цитатой из Видукинды, представляя собой, таким образом, второй источник, в котором форма названия этого племени воспроизводится как «вары». Намного позже, лишь в конце 11 века в источниках для обозначения этого племени появляется форма «ваигры» (Waigri). Она известна по хронике Адама Бременского из отрывков 2-18, 3-18 и схолий 13, 16 и 29. При этом форма «вагры» (Vagri) известна у Адама лишь в одной рукописи и только в одном из вышеперечисленных фрагментов, что в таком случае должно рассматриваться скорее как описка (пропуск i в Va[i]gri). В остальных случаях форма названия этого племени у Адама передаётся как «ваигры» (Waigri).

В XII веке для составления своих хроник текст Адама использовали Саксонский Анналист и Гельмольд. Саксонский Анналист подходил к тексту Адама не критически и просто переписывал из его хроники целые пассажи, без всякой их правки. Сам он при этом не сообщает какой-либо новой и неизвестной до этого из цитируемых им хроник своих предшественников, информации о землях ободритов. Потому неудивительно, что в тексте Саксонского Анналиста форма waigri (uuaigiri) из текста Адама предсказуемо повторяется в идентичном виде. По этой же причине текст Саксонского Анналиста не может рассматриваться как отдельный источник в вопросе о самоназвании обитавшего в Вагрии племени.

Совсем иным источником является хроника Гельмольда, самого долгие годы прожившего в Вагрии и хорошо знавшего местных славян. Вагры часто упоминаются Гельмольдом, среди проводимых им форм, преобладает «вагиры» (Wagiri), несколько реже встречается форма Wairi. Список упоминаний вагров у Гельмольда приводится по изданию Б. Шмайндера (Helmolds Slavenchrocnik, 1937), цифрами указан отрывок, в случае различных форм написания в одном отрывке в разных списках рукописей такие формы приведены в одной строке с разделительным знаком /, в тех случаях, где упоминания вагров у Гельмольда являются цитатами текста Адама, эти отрывки указаны в скобках. Форма Wairi выделена жирным шрифтом.

- 1-2. Wagirensen provinciam (Адам, 2-18)
- 1-2. **Wairis** (Адам, 4-18)
- 1-6. Wagiri (Адам, 2-18)
- 1-12. Wagirorum (Адам, сх. 16, 29)
- 1-12. Wagricae/Wagricae
- 1-12. Wagirorum
- 1-12. Wagirorum
- 1-12. Wagirorum
- 1-14. terram Wagirorum
- 1-18. Wagiri
- 1-18. Wagirorum
- 1-18. Wagiri
- 1-20. Wagirorum provinciam (Адам, 3-19)
- 1-25. Wagirorum
- 1-36. Wagirensium
- 1-36. Wagiri
- 1-49. terram Wagirorum/terram **Wairorum**
- 1-49. terram Wagirorum
- 1-52. **Wairensium** provinciam
- 1-53. **Wairensi** provincia/Wagirensi provincia
- 1-56. **Wairensium** provinsium/**Wairencium** provinsium/ Wagirensium provinsium
- 1-56. **Wairensi** terra/Wagirensi terra
- 1-56. **Wairorum** terra/wayrorum terra/Wagirorum tera
- 1-57. terram **Wairensium** / terram **wairencium** /terram Wagirens.
- 1-57. deserta **Wairensis** provinciae
- 1-62. Wagirensium terram
- 1-63. Wagirensium provinciam/**wairensium** provinciam
- 1-63. Wagirensium terram/**wairensium** terram
- 1-64. Wagirensium terram/Wagirencium terram/ **wairensium** terram
- 1-64. terra Wagirorum/terra **wairorum**
- 1-67. Wagirensi terrae
- 1-67. Wagirensen terram
- 1-67. Wagirensis provincia
- 1-71. terra Wagirorum
- 1-76. terrae Wagirensi/terrae **wairensi**
- 1-80. Wagirensen terram
- 1-80. Wagiram/**wairam**
- 1-83. Wagiram/**wairam**
- 1-83. Wagiram/**wairam**

- 1-84. Wagiram/**waira**
- 1-84. Wagira/**waira**
- 1-84. Wagirensi terra/**wairensi** terra
- 1-87. terrae Wagirensis/terrae **wairensis**
- 1-89. terra Wagiorum/terra **wairorum**
- 1-92. Wagirrensium/**wairensium**
- 1-92. Wagirensi/**wairensi**
- 1-92. Wagirensi/**wairensi**
- 1– 94. Wagirensem/**wairensem**
- 2-108. Wagirensis/**wairensis**

Таким образом, форма Waigri, используемая Адамом Бременским, у Гельмольда превращается в Wagiri, в некоторых местах и списках встречается форма Wairi, что, с одной стороны, может объясняться как опiskой (выпадением g), так и указанием на равноправность обеих форм написания. Для подтверждения первого предположения, однако, потребуется анализ текстов рукописей и подробный анализ всей «Славянской хроники» на предмет описок с выпадением g в других местах. Очевидно, что правка ваигров на вагиров или ваиров была осуществлена Гельмольдом намеренно. Можно предположить, что все 3 формы (Waigri, Wagiri, Wairi) были попытками передать в латинской транскрипции какой-то звук, отличный от «классического» а, отсутствующий в латыни и очевидно происходивший или из диалекта местных славян, или появившийся уже собственно в немецкоязычном окружении, возможно, в среде немецких монахов, занимавшихся в то время активной христианизацией этих земель. В этой связи не лишним будет обратить внимание на то, что латиноязычные средневековые источники зачастую называют племена балтийских славян не собственно славянскими формами их самоназваний, а немецкими формами, использовавшимися их саксонскими соседями, а в некоторых случаях – «учёными» и не соответствующими действительности формами, почёрпнутыми летописцами из трудов ещё римских историков. Такое явление на самом деле вполне естественно, так как сами хронисты в большинстве своём не владели славянским языком, а многие так и вовсе в славянских землях могли никогда лично не бывать. Свои сведения они получали из разных источников, среди которых были как написанные на латыни исторические труды их предшественников, так и современные им немецкоязычные и датские информаторы – саксонские купцы, торговавшие со славянами, приближённые саксонских дворов, лично общавшиеся с христианскими представителями ободритской знати, немецкие монахи, посылаемые в славянские земли для проповедей и т. д. Потому для мелких и незначительных племён, о которых было известно лишь от побывавших непосредственно в этих землях саксонцев и мало говорилось в самой Саксонии, шансы на близкую к славянской передачу формы их самоназвания в немецких хрониках больше, чем у наиболее известных и значительных племён, какими были вагры и ободриты, имена которых были на слуху веками и славянские формы названий могли претерпевать фонетическое изменение в результате долгого употребления в чисто немецкоязычной среде. Ободриты часто совершали походы на Саксонию, нередко даже владели этими землями, а их христианские князья были частыми гостями в главных саксонских городах и центрах христианства того времени – Гамбурге, Люнебурге, Бардовике и пр. Ввиду того, что их хорошо знали в Саксонии, о них часто должны были говорить на немецком сами саксы (а не только записывали в свои хроники учёные, труды которых в то время имели возможность прочесть лишь единицы) и, так как славянская фонетика довольно трудна для произношения немцами (как в свою очередь и немецкая – для славян), совершенно естественным было возникновение уже собственно немецких форм для названий наиболее известных славянских племён, более удобных для произношения немцами. Использование одновременно славянских, «учёных»

– латинских и немецких (т. е. употреблявшихся немцами в народе) – форм названий славянских племён вполне характерно и для рассматриваемых нами хронистов Адама Бременского и Гельмольда. Одной из таких «народных немецких» форм было впервые упоминаемое Адамом название рюгенских славян – раны. Более ранние источники называют их ругинами (Беда Достопочтенный, VII в.) или руянами (Видукинд Корвейский, X век), а сам остров в королевских грамотах X века должен называли Ругианой, о чём говорит термин «ругианское море», которым обозначали границу гавельбергского епископства. Эта форма могла восходить к традиции отождествления рюгенских славян с древними ругами, указания на что имеются у Оттона Фрейзингейского, либо передавать самоназвание рюгенских славян. В любом случае, Адам Бременский, приводя форму «ране», полагался в этом случае на информацию немецкоязычных источников, называвших этих славян фонетически отличной от их самоназвания и «учёной» традиции, но в тоже время более лёгкой для фонетического воспроизведения немцами формой «ране». Это подтверждается в частности и хроникой Гельмольда, знавшего и использовавшего уже обе формы – «учёную» или самоназвание (ругиане) и немецкую (ране). В одном месте он приводит форму ране, не восходящую к тексту Адама и указывающую на немецкое словообразование – это название огромного кургана «Раниберг», возведённого Генрихом Любекским для погибших под Любеком рюгенских славян. Вторая часть слова – берг – немецкое слово, обозначающее «гору», из чего можно сделать вывод, что название кургана должно было возникнуть именно в немецкоязычном мире и используемая немцами форма для названия рюгенских славян отличалась от их «учёной» латинской формы или самоназвания. Имея такие предпосылки с использованием немецких форм названий славянских племён, заведомо отличных фонетически от славянских, в тексте Адама, нельзя исключать такого же варианта и для появившихся у него «ваигров».

Как бы то ни было, форма «Wari» является по отношению к формам «Waigri», «Wagiri» и «Wairi» хронологически более древней, и упоминается в современных событиям и независимых друг от друга источниках чаще, чем Waigri/Wagiri/Wairi. Является ли возникновение какого-то отличного от «а» звука в первом слоге названия варов следствием каких-то особенностей диалекта славян, проживавших на полуострове Вагрия, или же она возникла в силу каких-то причин в немецкоязычном мире, остаётся невыясненным. В пользу второго варианта может говорить отсутствие топонимики с основой «вагры», указывающей на славянское словообразование, в то время как, топонимика с основой «вар», носящая черты славянского образования, известна из ободритских земель. В конце XII века в стихотворном житии епископа Винцелина появляется более близкая к современной форма хоронима Вагер (pontificem Wagerorum) (Versus de vita Vincelini, S. 232). Современное название полуострова «Вагрия» также восходит к латинской форме конца XII века, впервые появляется также в немецких «церковных» источниках: письме Сидо (Sidonis epistola, S. 237) и «Видении Готтшалька» (Godeschalcus, S. 90), и с этого времени закрепившейся как название территории и соответствующего титула её правителя.

Возможно, изменение формы wari *wairi → waigri → wagiri/wairi отображает те же процессы фонетического изменения форм в славянско-немецком мире, какие известны в тоже время и в случае рюгенских славян, для которых приводятся формы runi (Адам), ruiani (Видукинд, Гельмольд), rugiani (Гельмольд). Многие десятки грамот рюгенских князей XII–XIV вв. отчётливо показывают, что формы Ruia / Ruya / Ruga / Rua были синонимами. Само чередование g-у(i) известно в это время как у немцев, так предполагается и для балтийских славян, потому не исключено, что ваиры и вагры в латиноязычных хрониках немецких авторов вполне могли быть синонимами и без всяких описок. О языке собственно вагров и отличии особенностей их диалекта от прочих славян, к сожалению, нет почти никаких данных, но такие отличия вполне могли быть. С другой стороны, этот звук «й» мог возникнуть и

уже собственно в немецкоязычном мире, как произошло в случае старого немецкого названия русских – *geussen* (ройсен), где никакого «й» в «славянском оригинале» не было.

Сама этимология имени варов или вагров при этом остаётся неясной. Различные попытки объяснить происхождение названия как народа, так и полуострова, предпринимались уже в XIX веке. В то время как П. Шафарик затруднился с ответом, немецкий исследователь Р. Узингер, проанализировав в 1872 году раннюю историю Вагрии, пришёл к выводу, что наиболее ранние формы названия *Wari/ Waari* тождественны названию жившего здесь ранее племени варинов (Usinger 1872), однако его исследование осталось без внимания. В 1929 году лингвист М. Фасмер предложил (*Zeitschrift für slavische Philologie*, VI, Leipzig, 1929), что название *Wagria* происходило от древнескандинавского обозначения бухты *vagr* и было в таком виде, вместе с окончанием – *г*, заимствовано славянами, подобно тому, как вместе с окончанием было заимствовано в русский греческое «уксус». Однако, видя недостатки такой этимологии, уже в 1934 году он подкорректировал её, предложил исходной формой не топоним северогерманского происхождения, а северогерманское название жителей полуострова **vāgwarioz*, происходящее, в свою очередь, от древнегерманского **vāgverjar* (Vasmer 1934), и означавшее – «живущие и моря, у бухты» (*др.* – сканд. *vāgr* – «море, бухта», *др.* – сакс. *wāg* – «волна, потоп»). В качестве аргумента Фасмер приводил одну из форм записи названия баварцев *Peigiri*, происходившую из древнегерманского *Baiawarjos*. Схожего мнения придерживался и германист В. Штайнхауэр в 1953 году (Steinhauer 1953). В дальнейшем, насколько нам удалось установить, новых попыток этимологии вагров немецкими исследователями не предпринималось. Другие, занимавшиеся этим вопросом лингвисты, не принявшие или не учитывавшие этимологию Фасмера, сами также не смогли предложить удовлетворительных версий. Так, в 1950 году известный исследователь западнославянской топонимики Р. Траутманн затруднился объяснить происхождение названия как племени, так и полуострова, констатируя, что «исходная форма едва ли подлежит установлению (нормальная форма *Wagri*, *Wagria* может быть искусственного происхождения) и, по всей видимости, дославянская, т. е. германская» (Trautmann 1950, S. 158), чем вызвал «удивление» самого Фасмера в 1955 году (Vasmer 1955). Также и немецкие лингвисты Э. Айхлер и Т. Витковски три десятилетия спустя высказались по этому поводу, что «объяснение этого имени ещё полностью открыто [для исследований]» (Herrmann 1985, S.13).

Предложенное Фасмером в качестве основы северогерманское название залива *vāgr* восходит к индоевропейскому корню **#eǵh-*, означавшему движение (Pfeifer 1989, S.1987), и семантически действительно не плохо подходит для названия полуострова. Однако принятию такой этимологии мешает целый ряд требующих объяснения обстоятельств.

1. Отсутствие доказательной базы. Никакого племени **Wāgwarioz*, которое могли бы ассимилировать славяне, переняв при этом его имя, источникам неизвестно, в то время, как для этой местности известно о проживании племён с другими названиями.

2. В случае, если **Wāgwarioz* было не ассимилированным славянами германским племенем, а германским обозначением славянских жителей Вагрии, т. е. экзоэтнонимом, требуется объяснить появление этой формы в немецких хрониках XI–XII вв. Отсутствие суффиксов принадлежности – *anī* или – *inī* в имени вагров не позволяет предположить, что германское название местности было перенято славянами и их самоназвание происходило от этого топонима (ожидаемые славянские формы в этом случае **Wāg-ane/Wāg-ini*, но даже, если предположить перенятие окончания – **Wāgr-ane/*Wāgr-ini*, но не *Wagri*). В таком случае «вагры» должно было быть исключительно германским обозначением своих славянских соседей, экзоэтнонимом, неизвестным славянам. Словообразование, позволяющее вывести **Wāgwarioz*, в Средневековье не было характерно для саксов и должно было быть, в таком случае, датским. Косвенно это обстоятельство подтверждает и полное отсутствие попыток перевода или объяснения названия Вагрии немецкими хронистами, в отличие от действи-

тельно древнесаксонских и понятных им названий вроде Альденбург=Старигард, Михеленбург=Великий город и т. д. как непосредственно в славянский период, так и позднее¹. Такое положение вещей указывает на то, что самим саксам название Вагрии ни о чём не говорило и не было понятно. Не известно и других случаев, чтобы какие-то области ободритов имели отличные от славянских саксонские названия – даже в случае «земли ободритов в узком смысле» речь идёт не о топониме, а о чисто книжном обозначении земель, напрямую зависящих от крепости Мекленбург. Современное немецкое название Вагрии *Wagrien* происходит от латинского *Wagria*, в то время, как, если бы это название было саксонским и развивалось в живой саксонской речи непрерывно из основы **Wāg*, то можно было бы ожидать нижненемецкой формы **Wāg-en*, либо другие схожие формы без –г-. Сохранение –г– в нижненемецкой форме указывает на то, что основой было *Wagr* – происходящее или от латинской формы, или от северогерманской, но не немецкой. В случае же, если название жителей Вагрии **Wāgwarioz* происходило не из древнесаксонского, оно могло происходить лишь из диалектов соседних данов. Но именно для данов как раз и известно собственное, не схожее с «Вагрией», название этой области *Brammensis provincia* и её жителей *Bramnesii*, переданные Саксоном Грамматиком. «Вагрия» же, вопреки всему этому, была известна только немецким соседям славян.

3. Принимая изначальной основой германское **Wāgwarioz*, невозможно объяснить хронологически хорошо прослеживающееся развитие формы *Wagria* из *Wari/Waari* (X–начало XI вв.) → *Wagiri/Waigri/Wairi* (вторая половина XI – вторая половина XII вв.) *Wagria* (конец XII в.). Другими словами, для этимологии, из множества известных, была взята самая поздняя форма конца XII века, а наиболее ранние – проигнорированы.

Полная неизвестность славянских или германских суффиксов принадлежности и соответствующих окончаний ни в одной из известных многочисленных и разнообразных форм записи вагров указывает скорее на то, что скорее именно название полуострова вторично по отношению к этнониму, а не наоборот. Если всё же искать объяснение этнонима в названии местности, то, учитывая хорошо прослеживаемое в источниках развитие формы *wagri* из *wari*, более подходящей в этом случае кажется этимология из индоевропейского корень «вар» (**#or-*, **#er-*, **#r-*), означавшего воду и также семантически хорошо подходящего для названия приморской области. Само латинское *Wari* в тоже время могло соответствовать славянскому «варь», а не «вары» – такие формы этнонимов хорошо известны в употреблении у восточных славян: русь, чудь, жмудь, сумь, водь, емь, и др. в основном использовавшиеся для финских и балтских племён, но также и для некоторых славянских. Ближайшей параллелью здесь может быть этноним русь, также изначально не славянского происхождения, но достоверно использовавшийся славянами в тоже время, что и *Wari*, также имевший одинаковые формы этнонима и хоронима, и в западноевропейских латинских текстах также записывавшийся с –i на конце. Возможно, произошедшее из древнего и.-е. обозначения воды название ранее имела вся приморская область, занимаемая в средние века ободритами. Перенятие или сохранение древне-индоевропейской топо- и гидронимии славянами-ободритами, как и соседними с ними германцами-саксами, хорошо прослеживается в регионе. Более подробно вопрос о изначальном самоназвании всех ободритов, как и заселявших эти с начала н. э. варинов, будет рассмотрен в дальнейшем. Также, ввиду всего вышесказанного, в дальнейшем повествовании формы «вары» и «вагры» будут использоваться равноправно, как синонимы, а под обоими ими – пониматься славянское население полуострова Вагрия.

¹ «Народные этимологии» названий славянских городов немецкими хронистами и историками широко известны. Особенно такие попытки «перевода» славянской топонимии были характерны для позднего Средневековья, когда название Хамбурга объясняли от бога «Хамона», название Бютцева – от «коня Александра Македонского Буцефала», города Барта – от лангобардов и др.

Как уже упоминалось, источники, сообщающие о Вагрии и варах до XII века мало-численны, а сами сообщения о них имеют фрагментарный характер. Но даже из этих ску-пых свидетельств, можно сделать некоторые выводы о политическом делении ободритских земель и особом положении в них области варов. Франкские анналы сообщают о том, как датский король Готтфрид пойдя в 808 году войной на ободритов, подчинил себе «две их обла-сти». Зависимые от ободритов в то время племена смельдингов и линонов указаны в этом источнике отдельно от ободритов, что соответствует данным Баварского Географа, согласно которым смельдинги и линоны перечислялись также отдельно от них. Можно предположить, что под этими «двумя областями ободритов» Франкских анналов подразумевались «север-ные ободриты» и «восточные ободриты», о которых Баварский Географ сообщает в том же IX веке. Немногим позже, в 823 году Франкские анналы сообщают о гибели короля виль-цев Люба в сражении с «восточными ободритами» (*orientalibus Abodritis*), из чего следует, что под «восточными ободритами» в IX веке франки подразумевали восточную, отделён-ную от Франкской империи жившими по реке Эльбе племенами смельдингов и линонов, и граничившую с вильцами часть южнобалтийских ободритов – ту их область, что в источни-ках XI–XII веков станет известна как просто «земля ободритов». Вторая область ободритов, захваченная Готтфриком в 808 году, тогда должна была соответствовать «северным ободри-там» Баварского Географа земле варов источников X–XI вв. и «земле ваигров/ваиров/ваги-ров» источников XI–XII веков. Таким образом, уже с первых земель упоминаний ободри-тов в IX веке, эти земли предстают как разделённые на две области – полуостров Вагрию и земли к востоку от него, каждая из которых управлялась своих князем (Баварский Географ). Такое, практически равноправное положение Вагрии в изначально ободритских землях, в корне отличалось от положения прочих, зависимых от ободритов племён – смельдингов или линонов. Можно, предположить, что такие различия обуславливались тем, что ободриты и вары изначально представляли из себя одно племя, разделение же его на две части могло представлять обычное разделение большого княжества между двумя наследниками на две части.

Ободриты, представлявшие очень весомую силу в регионе, за свою историю подчи-няли себе многие соседние славянские и саксонские племена, однако положение этих под-чинённых племён внутри ободритского государства всегда сильно отличалось от такового варов. Так, подчинённые ободритам племена смельдингов и линонов в 808 году, во время нападения данов, поднимают мятеж и отпадают от ободритов, перейдя на сторону данов. Смельдингов ободритам удалось вернуть в своё королевство в следующем 809 году только посредством силы, взяв штурмом их главный город. Снова подчинить линонов ободритам в тоже время не удалось, о чём говорит война франков с линонами в 810 году и восстановление крепости Хохбуки, предназначенной для отражения славянских нападений и находившейся напротив столицы линонов Ленцена.

Впоследствии линоны, как и лютичские племена хижан и чреппенян, входят в подчи-нение уже христианских князей ободритов, однако предпринимают восстания, как только выдаётся подходящая возможность. Так, народное восстание против христианских ободрит-ских князей в 1066 году начинается с убийства ободритского князя Готтшалька в столице линонов Ленцене. При попытке захватить власть над славянскими землями юга Балтики сле-дующего христианского ободритского князя, наследника Готтшалька, Генриха, в начале XII против него также восстают зависимые от ободритов племена – первая битва с противни-ками этой династии происходит в землях полабов (Гельмольд, I, 34) (очевидно, более позд-нем названии смельдингов), за ней следуют войны с рюгенскими славянами (Гельмольд, I, 36; I, 38), поход на линонов и восстания брежан и гаволян (Гельмольд, I, 37). Схожим обра-зом развиваются события и в середине XII века, при очередной смене власти у ободритов, в результате которой против нового ободритского князя Никлота восстают подвластные ему

племена хижан и чреппенян (Гельмольд, I, 71). Вагры же, находясь в составе ободритских земель, при смене власти никогда восстаний не поднимали. Описанный Видукиндо Корвейским конфликт ободритских и варских князей был совершенно другого характера, речь в нём шла о «старинной вражде, унаследованной князьями от своих отцов» и взаимных обвинений ими друг друга перед саксонским герцогом. Так как конфликт в этом случае разрешался именно саксонским герцогом Германом, данное свидетельство говорит лишь о конкуренции ободритских и варских князей во второй половине X века, но никак не подтверждает прямое подчинение варских князей ободритским, как это было в случае смельдингов, полабов, линонов и пр., иначе ободритский князь Мстивой смог бы разрешить конфликт силой без вмешательства герцога. Возможно, на такую конкуренцию указывают и события 817 года, приведшие, подобно описанным Видукиндо событиям X века к обращению ободритских князей за справедливым судом к немецким правителям, верховную власть которого они признавали.

После смерти ободритского князя Дражко в 809/810 году, власть над ободритами перешла к князю Славомиру в обход прямого наследника Дражко, Цедрага. После того как Цедраг в 817 году обратился к франкскому императору за помощью в подтверждении своих прав на престол, Славомир поднял мятеж, напал на франков, за чем последовал постепенный разрыв франкско-ободритских отношений и переход их во вражду. Не бывший прямым наследником Дражко, Славомир вполне мог происходить из варских князей. Возможно, в таком случае именно его мог иметь в виду Гельмольд, сообщая, что в Старигарде *«иногда бывали такие князья, которые простирали свое господство на [земли] ободритов, хижан и тех, которые живут еще дальше»*. Впрочем, ввиду того, что о событиях, происходивших в землях ободритов и варов начиная с середины IX и до середины X веков, кроме отрывочных упоминаний практически ничего неизвестно, старигардские князья вполне могли в течение этого периода занимать какое-то время верховное положение над всеми ободритскими землями, в результате чего ко второй половине X века, вражда ободритских и варских князей и выглядела, как «унаследованная ими от своих отцов».

Стоит отметить, что разные немецкие хронисты отмечали большой опыт варов в ведении войны на суше и на море, умение их сражаться с соседними славянами, данами и саксами и высокий моральный дух. Даже Видукинд Корвейский, отличавшийся крайне негативной оценкой славян по отношению к саксам и предвзятостью в частом желании превознести подвиги саксов и унижить славян, в отрывке 3-68 высказывает удивление поведению варов во время осады их крепости саксонскими войсками:

«Находились такие, которые утверждали, что славяне лишь делают вид, что ведут войну, что [их] война на самом деле не настоящая, что представляется невероятным, чтобы люди, с детства привыкшие к войне, были столь плохо в военном деле подготовлены».

Из чего можно заключить, что вары должны были быть известны саксам в то время как опытные и сильные воины. Адам Бременский в XI веке отмечал, что принадлежащий ваграм остров Фембре *«переполнен пиратами и безжалостными разбойниками, которые не щадят никого из приезжих»* (Адам, III, 18). Однако наиболее подробные описания и характеристики этого славянского племени оставил Гельмольд, сам живший и написавший свою хронику в Вагрии. Всякий раз, заводя речь о ваграх, Гельмольд подчёркивал их храбрость и умение воевать. Так, в одном месте он сообщает, что *«этот город [Старигард], или провинция, был некогда населен храбрейшими мужами, так как, находясь во главе Слави, имел соседями народы данов и саксов, и [всегда] все воины или сам первым начинал или принимал их на себя со стороны других, их начинавших»* (Гельмольд, I, 12). В другом месте он замечает: *«Очень много марок имеется и в славянской земле. Из них не самой худшей является наша вагирская земля, где имеются мужи храбрые и опытные в битвах как с данами, так и со*

славянами» (Гельмольд, I, 67). Ещё более подробно эти их качества он описывает уже в конце своей хроники:

«Дания в большей части своей состоит из островов, которые окружены со всех сторон омывающим их морем, так что данам нелегко обезопасить себя от нападений морских разбойников, потому что здесь имеется много мысов, весьма удобных для устройства славянами себе убежищ. Выходя отсюда тайком, они нападают из своих засад на неосторожных, ибо славяне весьма искусны в устройстве тайных нападений. Поэтому вплоть до недавнего времени этот разбойничий обычай был так у них распространен, что, совершенно пренебрегая выгодами земледелия, они свои всегда готовые к бою руки направляли на морские вылазки, единственную свою надежду, и все свои богатства полагая в кораблях. Но они не затрудняют себя постройкой домов, предпочитая сплести себе хижины из прутьев, побуждаемые к этому только необходимостью защитить себя от бурь и дождей. И когда бы ни раздался клич военной тревоги, они прячут в ямы все свое, уже раньше очищенное от мякины, зерно и золото, и серебро, и всякие драгоценности. Женщин же и детей укрывают в крепостях или по крайней мере в лесах, так что неприятелю ничего не остается на разграбление, – одни только шалаши, потерю которых они самым легким для себя полагают. Нападения данов они ни во что не ставят, напротив, даже считают удовольствием для себя вступить с ними в рукопашный бой» (Гельмольд, II, 13).

Получив некоторое представление о племени варов вообще, нелишним будет остановиться поподробнее на основных их городах и племенных центрах.

Старигард – главный город Вагрии

В раннем Средневековье Вагрия была практически разделёта на две части вдающимися вглубь с запада и востока полуострова проливами, так, что расположенная в центральной части полуострова столица вагрийских князей, Старигард, до XI–XII веков имела выход к морю. В средневековых хрониках этот город чаще упоминается под его немецким названием Альденбург или Ольденбург, бывшем переводом славянской формы (от нем. «ай», «old» – «старый» и «burg» – «город»).

«Ольденбург – это крупный город славян, которые зовутся ваиграми; он расположен возле моря, которое называют Балтийским или Варварским, в одном дне пути от Гамбурга» – сообщалось в схолии к хронике Адама в конце XI века (Адам, Схолия 15 (16)). Гельмольд в конце XII века приводил более подробные сведения:

«Альденбург – это то же, что на славянском языке Старгард, то есть старый город. Расположенный, как говорят, в земле вагров, в западной части [побережья] Балтийского моря, он является пределом Славии. Этот город, или провинция, был некогда населен храбрейшими мужами, так как, находясь во главе Славии, имел соседями народы данов и саксов, и [всегда] все воины или сам первым начинал или принимал их на себя со стороны других, их начинавших. Говорят, в нем иногда бывали такие князья, которые простирали свое господство на [земли] ободритов, хижан и тех, которые живут еще дальше» (Гельмольд I, 10).

Первые следы заселения места будущей Старигардской крепости восходят ещё к доримскому периоду. На основании археологических находок – жертвенной чаши и следов ритуального сжигания – предполагается, что в это время здесь находилось языческий жертвенный комплекс или святилище. Во второй половине VII века на 16-метровой возвышенности была возведена первая славянская крепость округлой формы и отличавшаяся немалыми размерами – около 140 м в окружности – уже в первой фазе своего существования. По всей видимости, город планировался как столица и торгово-ремесленный центр изначально. С момента своего основания он активно развивался, за крепостными стенами вскоре возникло открытое поселение-посад. Во второй половине VIII века сносится прилегающая к посадку часть крепостной стены, в то же время крепостными стенами обносится сам посад, так что в конечном итоге возникает новая крепость овальной формы вдвое больших размеров и протяжённостью около 260 метров.

Реконструкция Старигардской крепости в историческом музее города Ольденбург

Внутри новой старигардской крепости фиксируется застройка жилыми домами и несколькими, отличавшихся значительными размерами длинных, построенных столбовой техникой домов, самый большой из которых, очевидно, был княжеским дворцом. Просторное здание этой княжеской резиденции с внутренними размерами 20,5х7 метров было разде-

лено несколькими поперечными стенами, так что центральное место отводилось, возможно, использовавшемуся для приёмов залу с расположенным по центру очагом. Не исключено, что идея такой планировки княжеского терема могла возникнуть у варских князей после посещения резиденций франкских императоров. До середины IX века ободриты поддерживали с франками тесные союзнические отношения, их послы и князья не редко упоминаются в это время при императорских дворах в Падеборне, Аахене, Ингельхайме, Франкфурте и Компанье. Своими размерами и внутренним устройством первый княжеский двор в Старигарде вполне сопоставим с королевской резиденцией Карла Великого (ок. 777 года) в Падеборне. Мало уступая императорской резиденции, дворец старигардских князей имел и свои особенности, видимые на контуре как второй ряд столбов, окружающих строение. Предназначение их остаётся невыясненным – служили ли они для опоры выступающей крыши или некоего навеса или только декоративным целям – остаётся неясным. Однако, так как эта деталь сохраняется во всех трёх дворцах, менявших свои размеры и внутреннее строение, можно предположить в этом некую местную старигардскую традицию. Как параллели можно привести известные у балтийских славян примеры внешних украшений языческих храмов и святилищ. Уже упомянутый выше языческий храм в Гросс Радене также представлял самое большое по размеру строение в поселении, к несущим стенам которого с внешней стороны была прикреплена ещё одна декоративная стена из резных досок. Так же и о находившемся в непосредственной близости к Старигарду святилище Проне, Гельмольд сообщает об окружавшем его заборе или изгороди с резными украшениями.

Возможно, первое упоминание Старигарда, содержится в хронике Видукинда Корвейского, сообщающей о конфликте князя ободритов Мстивоя (Mistav) с князем варов Желибором (Selibur) в 967 году. В результате этой «вражды, унаследованной князьями от своих отцов», войсками Германа Биллунга была взята и разграблена крепость Желибора, в том числе сообщается и о вывозе из крепости находившейся там медной статуи Сатурна. Что именно за изображение подразумевалось под этими словами, скорее всего уже навсегда останется тайной, однако из этого сообщения можно сделать вывод, что несмотря на сообщения о подчинении ободритов и «всех славян» в 934 году Генрихом I, варам, возможно, удалось сохранить независимость. Адам Бременский сообщает о завоевании Генрихом I, кроме славянских земель, и Дании и установлении немецкой границы на севере по реке Ейдеру и городу Хаитабу/Шлезвигу, то есть на границе с Вагрией. За этим последовала христианизация соседних с Вагрией областей – Нордальбингии и Дании, однако ни основание церквей или даже просто христианские миссии в саму Вагрию в это время не упоминаются, из чего складывается впечатление о независимости вагрийских князей в это время. В 955 году отправшие ободриты были разбиты саксонскими войсками на Раксе, с ободритской стороны в ней принимали участие два брата – Након и Стойгнев. Након должен был быть князем ободритов, так как его столицей ибн-Якуб называет «великий город» (Мекленбург). Учитывая давнее деление ободритских земель на 2 или 3 части, можно было бы предположить, что брат Накона, Стойгнев, мог быть князем варов, правившим одновременно с Наконом. Однако ни убийство Стойгнева, ни общее подчинение ободритов саксами в 955 году, не привело к принятию ваграми христианства. В сухом остатке остаётся признать, что о первые достоверные сообщения немецких хроник, указывающие на варов, относятся только к завоеванию города Желибора в 967 году. После этого поражения крепость была восстановлена. Предполагается, что первая, деревянная, церковь в Старигарде могла быть построена уже вскоре после разрушения святилища в 968 году. В 972 году в Старигарде было основано первое епископство, просуществовавшее всего 11 лет. В 983 году началась череда славянских восстаний, после которых от усилий христианской миссии в ободритских землях не осталось и следа. Осквернение и уничтожение языческого святилища христианами должно было оставить в памяти горожан сильный след, а последующая насильственная христианизации

– восприниматься очень тяжело, так как именно в Старигарде Адам Бременский описывает наиболее жестокие и массовые расправы над 60 священниками в ходе восстания (Адам, II, 43(41)). Несмотря на важное сообщение Адама о многочисленном населении Старигарда на рубеже первого и второго тысячелетий, цифра в 60 священников кажется скорее всё же преувеличением. Скорее речь в этом случае шла не о постоянно проживавших в городе священниках, а о доставленных сюда и из других мест ободритских земель для публичной казни, в том числе и из разрушенного только что Гамбург – главного христианского центра земель к северу от Эльбы. Схожим образом происходили события и в ходе следующего языческого восстания, когда из ободритской столицы Мекленбург епископ Иоанн для публичной казни был доставлен в город лютичей Ретру. Археология действительно фиксирует в это время разрушение в Старигарде интерпретируемой как церкви постройки. На её месте был сооружён каменный постамент, с похожим на яму от столба углублением, в котором археолог И. Габриель подозревал след от деревянного идола (Gabriel/Kempke 1991 S. 173–178). Таким образом, на месте разрушенной церкви в городе около 1000 года могло быть снова восстановлено языческое святилище, просуществовавшее в городе до 1018/1019 гг. В непосредственной близости от каменной кладки с углублением были найдены лошадиные черепа и части костей передних ног, возможно, указывающих на жертвоприношения.

Следующая попытка христианизации Вагрии была предпринята в 1040–1060 годах ободритским князем Готтшалком. К последней дате относится основание в Старигарде второго по счёту епископства. Рядом с местом первой стариградской церкви в это время была построена вторая. При раскопках этой второй церкви и в непосредственной близости с ней были найдены богатые захоронения, по всей видимости, уже христианских правителей, из которых стоит упомянуть женское захоронение в телеге и мужское захоронение с мечом и средневековой настольной игрой, распространённом в скандинавских и славянских землях подобии шахмат, более известной под скандинавским названием хнефатафль.

Однако оно просуществовало оно ещё меньше, чем первое, – уже в 1066 году второе всеобщее славянское языческое восстание, возглавленное князем Круто, привело к полному уничтожению церкви и изгнанию христиан из славянских земель. Сам Старигард до XII века должен был остаться одним из главных приморских торговых центров на Балтике. Описанные Адамом Бременским торговые связи города с другими славянскими торговыми центрами и Русью подтверждаются археологией. В крепости найдено немало импортных вещей или указаний на присутствие иностранных купцов, как из Руси (карнеоловые бусины, овручский шифер, «киевские писанки»), так и из франкских (шпоры, язычки ремней, татингская керамика, стеклянные бокалы, оковки ножен, фибулы), фризских и саксонских (керамика с круглым дном), скандинавских (фибулы, застёжки ремней, норвежский стеатит, нанесённые на кость руны), англо-каролингских (крепления ремней ножен) и пр., что вполне соответствует статусу города как богатой княжеской столицы и торгового центра. Судя по находкам, варской знати были доступны большинство дорогостоящих, редких и ценившихся в то время товаров Европы. Культурным центром западной Европы на протяжении долгих столетий оставалась Франкская империя, потому неудивительно, что при наличии тесных франкско-ободритских связей до середины IX века и продолжившейся и в последствии торговле, франкское культурное влияние на варов прослеживается достаточно чётко. Кроме уже упоминавшихся аналогий в дворцовой архитектуре, можно отметить и особый вид керамики, так называемую «ольденбургскую роскошную керамику» (*нем.* oldenburger Prachtkeramik), производившуюся только в Старигарде. Предполагается, что этот особенный, превосходивший орнаментикой прочие, производимые в регионе славянские типы керамики, изготавливался придворными гончарами варских князей и возник непосредственно в городе, возможно, под влиянием татингской керамики. Одновременно с ними в городе изготавливалась и более простые славянские типы гончарной керамики, хоть и уступавшие, в отличии от

«роскошной керамики» франкским образцам, однако, тем не менее, превосходившие при этом качеством современные им типы современных им типы фризской, саксонской и скандинавской керамики. Тесные связи с данами, прослеживающиеся с IX века, а в X–XI веках скреплённые ещё и традицией династических браков ободритов и данов, возможно, нашли своё отражение в погребальном обряде варской знати. Так, традиция захоронения в повозке связывается в первую очередь с северными германцами. В Скандинавии и особенно в Дании по такому обычаю хоронили знатных особ женского пола. В случае старигардского захоронения можно предположить, что традиция эта могла быть перенята знатью вместе с династическими связями и как следствие, присутствием датской знати в городе. Возможно, впрочем, что и сама захороненная в Старигарде женщина была датской женой одного из представителей местной знати. В целом, археология Старигарда, вкупе с сообщениями хроник, позволяют составить вполне ясную картину жизни города и стремлений варских князей. Оставаясь, с одной стороны, яркими приверженцами языческих традиций, они в то же время были открыты для технических и материальных новшеств и охотно принимали лучшее из того, что возникало в их время в соседних странах, откровенно «живя на широкую ногу», стремясь как жить по комфорту «не хуже императора», так и хоронить «не менее пышно, чем датские короли».

Возможно, с разрастанием города к XII веку или же с обмелением части соединявшего Старигард с морем залива, связано возникновение ещё одной, «приморской», не укреплённой части города (Гельмольд, II, 13), возможно, бывшей торговым центром, разрушенным данами около 1170 года. С другой стороны, археология подтверждает, что ранее должен был иметь выход к морю и сам город. В 1860 году у стен крепости были найдены остатки планочного корабля, около 15 шагов в длину, однако сохранились лишь описания этой находки (Gabriel 1991a, S.80). В 1138–39 гг. значительная часть Вагрии подчиняется и начинает колонизироваться саксами, однако «старигардская земля» остаётся под контролем ободритского князя Прибислава. В 1148–49 гг. крепость была разрушена данами. Согласно Гельмольду, епископ Герольд, которому поручено около 1150 года было поручено в третий раз восстановить старигардское епископство, застал город разрушенным и пустым, сам же Прибислав жил в это время некоем «далёком селении». При этом разрушенная крепость продолжала ещё оставаться культурным, политическим и экономическим центром окружающих её славянских земель, «старигардской земли». У её руин в то время существовал большой еженедельный рынок, представлявший немцам миссионерам, как место собрания большого числа славянского деревенского населения, «оплотом язычества», так что здесь была учреждена миссия и в дальнейшем построена церковь. Кроме языческого святилища и идолов в самом Старигарде, в его пригороде до середины XII века располагалась священная роща, «бога альденбургской земли Прове», детальные описания которой оставил Гельмольд:

«По дороге пришли мы в рощу, единственную в этом краю, которая целиком расположена на равнине. Здесь среди очень старых деревьев мы увидели священные дубы, посвященные богу этой земли, Прове. Их окружал дворик, обнесенный деревянной, искусно сделанной оградой, имевшей двое ворот. Все города изобиловали пенатами и идолами, но это место было святыней всей земли. Здесь был и жрец, и свои празднества, и разные обряды жертвоприношений. Сюда каждый второй день недели имел обыкновение собираться весь народ с князем и с жрецом на суд. Вход во дворик разрешался только жрецу и желающим принести жертву или тем, кому угрожала смертельная опасность, ибо таким здесь никогда не отказывалось в приюте...»

Когда мы пришли в эту рощу и в это место безбожия, епископ стал увещевать нас, чтобы мы смело приступали к уничтожению рощи. Сам же, сойдя с коня, сбил шестом лицевые украшения с ворот. И, войдя во дворик, мы разрушили всю его ограду и свалили ее в одну кучу вокруг священных деревьев, и, подкинув огонь, устроили костер из множества

бревен, однако не без страха, как бы на нас не обрушилось возмущение жителей. Но господь покровительствовал нам» (Гельмольд, I, 83).

Несмотря на то, что сама ограда, судя по описанию антропоморфных изображений на ней, была украшена изображениями языческих божеств, Гельмольд сообщает, что Прове не было посвящено идола как такового, а только лишь роща.

Из рассказа Гельмольда может сложиться впечатление, что священная роща располагалась на единственном ровном месте в Вагрии, что, скорее всего, было оговоркой. Противоречие такой «равнинной» формулировки бросается в глаза при ближайшем знакомстве с окрестностями Старигарда, описываемой Гельмольдом как «альденбургской земли». Дело в том, что вся эта область представляет собой одну сплошную равнину, так что выражение «единственная равнина в альденбургской земле» решительно теряет всякий смысл. Однако выделение хронистом положение рощи на местности должно было преследовать какую-то цель – всё-таки он сам присутствовал при описываемых событиях и что-то в положении рощи ему при этом запомнилось. Интересное предположение высказал немецкий археолог И. Габриэль, предположив, что в процитированном выше отрывок было пропущено слово: «пришли в единственную рощу в том краю, [в остальном] целиком расположенном на равнине».

Действительно, если священная роща выделялась из общего ландшафта, то в «альденбургской земле» она могла быть только возвышенностью. Возведение святынь на возвышенностях и горах в тоже время было очень характерно для славян. В этом случае определить местонахождение бывшей священной рощи можно с большой долей вероятности. Даже сейчас ещё, при восхождении на заметно понизившиеся с веками остатки валов старигардской крепости, взгляд непременно останавливается на одной точке на горизонте – горе Винберг. Эта гора является наивысшей точкой на практически всего полуострова и прекрасно видна здесь отовсюду, действительно являясь ориентиром. Любопытно и само её название – Винберг, в переводе с немецкого «освящённая гора». В качестве другого возможного указания на нахождение здесь священной рощи можно привести название поля возле горы Винберг – «Путлос». «Пут» на языке балтийских славян или в передаче его немцами значило «под» или «рядом». Так, находящийся на соседнем со Старигардом острове Фемарн славянский топоним «Путгартен» означает «под гардом» – то есть «под (рядом) с городом». Путлос же в таком случае могло значить – «под (рядом) с лесом». Славянское название «подлесья», как окружающих гору Винберг полей, подтверждает, что предполагаемый лес должен был быть здесь именно в славянские времена.

В случае, если все эти догадки верны, не может не вызвать интерес и сам выбор славянами места для старигардской святыни. Дело в том, что гора Винберг является огромным курганом, насыпанным над самым большим дольменом северной Германии ещё в каменном веке. Длина холма составляет около 115 метров, а высота холма – более 60. Знали ли, считавшие это место священным славяне, что оно является древней гробницей? Любопытно также и то, что на вершине горы-дольмена археологи обнаружили и уже собственно славянский курган.

Многое говорит в пользу того, что под именем бога Прове мог скрываться славянский бог Перун.

По описаниям Гельмольда, Прове была посвящена дубовая роща, а дуб известен у прочих славян в связи с культом Перуна. Так же на связь с Перуном указывает и само имя Прове, в некоторых из рукописей Гельмольда записанное как Проне (Helmold, S. 102), что с учётом местных диалектов и немецкой передачи вполне соответствует восточнославянскому «Перун». К примеру название одной из современных деревень в Вагрии сейчас звучит как Пронсторф (нем. Pronstorf – «деревня Прона»), а первое её упоминание в 1199 году звучало как «Пероне» (Perone). Другая деревня, сейчас называемая Прон (Prohn), находится

возле Штральзунда, также впервые упоминается в 1302 году как Перун (Perun). Оба примера наглядно показывают, что изначальное славянское Перун в записываемой немцами на латыни топонимике со временем переходило в Прон. Впрочем, такой переход мог быть связан и не с немецким искажением, а с особенностями самих местных славянских диалектов. Так, в единственном сохранившемся из языков северно-лехитской группы кашубском языке известен некий «злой дух Парон». В кашубских магических формулах-заклинаниях он также известен в близких к «Пероне/Пароне» формам (*ala peränove! ala taronove! alaporönove!*) (Porowska-Taborska 1998, S. 37–39).

В первой половине XII века упоминается и жрец этой священной рощи Прове/Проне со странным именем Мике (Гельмольд I, 69), возможно, бывший последним её жрецом. Вскоре после уничтожения священной рощи, на месте славянского рынка у разрушенной городской крепости была построена новая церковь, которая стоит здесь и по сей день. Третье старигардское епископство, однако, просуществовало не дольше своих предшественников и уже в 1160 году было перенесено в Любек. И хотя современный город

Ольденбург, возникший возле руин древнего Старигарда, был основан в основном переселявшимися сюда немецкими колонистами, славянское население сохранялось в нём ещё сотни лет, что запечатлелось в названии «славянской улицы» («Went straten» в 1377 г. и «wenne straten» в 1443/53 гг.). В 1233 году Ольденбург становится городом «любекского права», но впоследствии ему уже никогда более не суждено было достичь значения и славы своего славянского предшественника.

Крепость Плу́не – столица Плу́ньской земли

Другой важный племенной центр варов был расположен на юго-западе Вагрии, в районе Плёнского озера. Ландшафт, состоящий из Большого и Малого Плёнских и ещё ряда более мелких озёр, был достаточно густо населён и по реке Свентатне имел выход к морю в районе Кильской бухты. Сразу несколько славянских поселений и крепостей существовали в средневековые по берегам и на островах Большого Плёнского озера.

В XI–XII веках главным городом-крепостью в этом регионе была расположенная на острове крепость Плу́не, бывшая центром второй по важности области Вагрии – «Плу́ньской земли» (*terra plunensis* у Гельмольда). Наиболее ранние следы славянского заселения, по данным археологии, находятся на южном и юго-восточных берегах озера – в районах современных деревень Бозау (Bosau I. 1974, S. 75 ff.) и Мёлленкамп (Bosau VI. 1983, S. 30–48). При раскопках в обоих местах были обнаружены следы поселений и захоронения доримского железного века и поздней эпохи Великого переселения народов, вплоть до V – раннего VI вв. И в Мёлленкампе и в Бозау поселения эпохи ВПН сменили поселения раннеславянской культуры, что даёт археологам основания подозревать возможную преемственность между славянским и дославянским населением на Плёнском озере (Bosau II. 1977, S. 70). Центром для расположенных в окрестностях поселений в раннеславянский период была крепость на острове Бишофсвардер (*нем.* «епископский остров»), в настоящее время практически целиком находящаяся под водой. Проводившиеся на этом острове в 1970-х раскопки показали застройку внутреннего пространства крепости землянками, а также следы ремесленного поселения. Дендрохронологический анализ брёвен определил дату основания крепости 726 годом, а прилегающего к ней славянского ремесленного поселения-посады 792 годом (Bosau V. 1986, S. 73–98). На рубеже VIII–IX веков крепость была разрушена, однако вскоре снова восстановлена. По брёвнам следующие этапы ремонта крепости датируются 832 и 870 гг., но уже к X веку она была оставлена, возможно, из-за повышения уровня воды. В VIII–IX веках остров Бишофсвардер был ещё соединён с южным берегом перешейком, так что крепость изначально находилась не краю выдающегося в озеро полуострова. Подъём уровня воды, со временем превративший полуостров в настоящий остров, должен было негативно сказываться на устойчивости крепостных валов, подмываемых озером. Утратив своё оборонительное значение, славянская крепость на южном берегу Плёнского озера уступила своё место городу Плу́не, расположенному на одном из северных островов. Однако славянские поселения в Бозау и Мёлленкампе продолжали использоваться и после X века. Славянское поселение на месте современной деревни Мёлленкамп по всей видимости идентично известному по сообщению Гельмольда деревней Дульзаницей, принадлежавшей владениям церкви в Бозау (Гельмольд, I, 70). С исторической точки зрения поселение в Бозау интересно тем, что именно здесь в XII веке находился один из главных христианских центров Вагрии.

Одним из главных источников по истории балтийских славян является написанная монахом Гельмольдом в 1170-х годах в церкви деревни Бозау «Славянская хроника». Кроме того, что этот объёмный и уникальный источник написан живым и выразительным языком, в ярких красках и мелких подробностях описывая историю и обычаи балтийских славян, он ценен ещё и тем, что был создан прямым свидетелем событий, монахом, посвятившим значительную часть жизни христианизации славян, прямо «на месте», в Вагрии, а не в далёких немецких землях, со слов купцов и путешественников. Судя по собственным рассказам Гельмольда о виденных им в юности руинах крепости Зеgeberг, он прожил в Вагрии большую часть своей жизни. Предполагается, что он мог прибыть сюда с родителями в числе немецкого гарнизона построенной императором Лотарем в 1134 году крепости Зеgeberг. На основании хорошего знания Гельмольдом географии Гарца и событий, происходивших там в XI

веке и известных лишь по его хронике (исход саксов-нордальбингов в Гарц после обрушившихся на них репрессий славянского князя Круто), издатель и исследователь его хроники, Бернхард Шмайдлер предполагал, что из предгорий Гарца мог происходить и сам будущий хронист (Helmolds Slawenchronik, Einleitung, VI). Выучившись в юности в расположенном на славянской границе саксонском городе Брунзовике, Гельмольд был ближайшим сподвижником епископа Герольда, назначенного после смерти Винцелина епископом в церковь Бозау. Кроме своей деятельности непосредственно в Бозау, он немало ездил с Герольдом по Вагрии, в том числе, бывал в Старигарде и Любеке, общался со славянскими князьями XII века и принимал участие, к примеру, и в уничтожении старигардской священной рощи, что придаёт его свидетельствам, как очевидца, ещё большую ценность.

Церковь Винцелина в Бозау в наши дни

Предшественники Гельмольда – христианские миссионеры под руководством епископа Ваго – должны были поселиться в славянской деревне Бозау уже в конце X века. Однако строительство церкви, в которой была написана знаменитая «Славянская хроника», относится к 1142/1143 гг., ко временам предшественника Гельмольда и Герольда епископа Винцелина. Само название Бозау, известное в формах Buzu/Bosove/Bosau, предположительно происходит от славянского имени Боз – возможно, её владельца или основателя. Единичные находки древностей известны из церковного сада Бозау уже с конца XIX века, однако планомерные раскопки в саду между кладбищем и церковью проводились уже только в 1970-е. Сменившее поселение эпохи ВПН славянское поселение существовало здесь непрерывно с VIII по XIV века. Поселение в Бозау состояло из землянок, нескольких надземных домов и общественной пекарни, а основная часть находок датируется серединой XII века, что можно связать уже непосредственно с поселением христианской миссии времён Гельмольда.

Славянская крепость, защищавшая Бозау и Дульзаницу до X века к этому времени уже перестала существовать, а полуостров должен был превратиться уже в настоящий остров. Его немецкое название Бишофсвардер, т. е. «епископский остров», указывает на принадлежность его, как и Дульзаницы, церкви в Бозау. Предполагается, что после изменений ландшафта крепость была перенесена на расположенный в северной части Плёнского озера остров Ольсбург. Следов крепостных валов здесь обнаружить не удалось, однако на существование на этом острове крепости указывает само его название, означающее, в переводе с немецкого, «старая крепость». Раскопки на Ольсбурге, выявившие следы славянского ремесленного поселения позднеславянского периода, хотя и не подтверждают полностью тожде-

ственности этого места с городом Плуне, но и не противоречит такой, принимаемой в настоящее время интерпретации.

С XI века город Плуне или Плён должен был быть весьма значительным в регионе. Впервые он упоминается в одной из схолий к хронике Адама:

«Река Цвентина вытекает из озера, на котором расположен город Плён. Затем она протекает через леса Изарнхо и впадает в Скифское море» (Адам, схолия 13(14)).

«Город этот, как это можно и теперь видеть, окружен со всех сторон весьма глубоким озером, и [только] очень длинный мост обеспечивает приходящим доступ к нему» (Гельмольд I, 25) – писал о Плуне в последствии Гельмольд. В другом отрывке он сообщает и о нахождении в городе языческого храма:

«У славян имеется много разных видов идолопоклонства, ибо не все они придерживаются одних и тех же языческих обычаев. Одни прикрывают невообразимые изваяния своих идолов храмами, как, например, идол в Плуне, имя которому Подага» (Гельмольд, I, 83).

О природе божества с несколько странным, на первый взгляд, именем Подага, деталях его культа или устройстве храма Гельмольд не приводит никаких сведений. Сама плёнская крепость фигурирует в «Славянской хронике» в основном в связи со свержением христианской ободритской династии и возглавленным князем Крутом языческим восстанием 1066 года. У убитого в ходе восстания христианского князя Готтшалька осталось двое сыновей, один из которых, Генрих, бежал в Данию, а другой, Будивой (Бутуй), попытался вернуть себе власть над ободритскими землями. При помощи саксонского войска ему удалось в 1170-х годах захватить незащищённую крепость Плуне, однако уже на следующее утро её окружили войска Крута.

«Из-за голода Бутуй и его товарищи с большим трудом выдерживали осаду» – продолжает рассказ Гельмольд. – *Бутуй сказал своим товарищам: “Жестокие условия, о мужи, предлагаются нам, – чтобы, выйдя, мы сдали оружие. Знаю, что голод принуждает нас к сдаче. Но если, согласно предложенным нам условиям, мы выйдем безоружными, то все равно подвергнем себя опасности. Сколь изменчива, сколь ненадежна искренность славян, мне пришлось не раз убедиться. Мне кажется, осторожнее для общего спасения будет отсрочкой этого [выхода], хотя и тяжкой [для нас], жизнь купить и подождать, быть может, господь пошлет нам откуда-нибудь помощников”. Но товарищи его воспротивились этому, говоря: “Мы признаем, что предлагаемое нам неприятелем условие двусмысленно и внушает тревогу, однако им надо воспользоваться, так как избежать этой опасности другим путем невозможно. Чему поможет отсрочка, когда нет никого, кто избавил бы [нас] от осады? Голод приносит более жестокую смерть, чем меч, и лучше скорее жизнь окончить, чем долго мучиться”.*

Бутуй, видя, что товарищи его укрепились в решении выйти [из крепости], приказал принести ему нарядные одежды и, одевшись в них, вышел с друзьями. Пара за парой перешли они мост, сдавая оружие, и, таким образом, были приведены к Круту. Когда все пред ним предстали, одна знатная женщина обратилась из крепости к Круту и к остальным славянам с повелением, говоря: “Погубите этих людей, которые сдались вам, и не вздумайте пощадить их, потому что они учинили великое насилие над женами вашими, которые были оставлены с ними в городе, смойте позор, нанесенный нам”. Услыхав это, Крут и сподвижники его тотчас же накинулись на них и острием меча истребили все это множество [людей]. Так были Бутуй и с ним все отборное войско бардов под крепостью Плуней в тот день убиты» (Гельмольд, I, 25).

Гельмольд пытается преподнести убийство Бутуя как некое предательство Крута, что и понятно – это точка зрения немецкого монаха, для которого Крут был врагом христианства и мучителем его соратников. Однако детали описаний правления Крута, очевидно, не вполне сознательно сообщаемые Гельмольдом, неминуемо приводят к выводу, что в глазах

самых славян он должен был представляться настоящим героем. Принявшийся за активную насильственную христианизацию ободритов и варов Готтшальк должен был быть крайне непопулярен в народе. Он был убит кем-то из своего же окружения, после чего в обход его христианских сыновей на вече на княжение был выбран Крут. О той ненависти, которую вызывала политика Готтшалька говорит сообщение, что его датская жена голой, то есть с позором и лишённая имущества, была выгнана из бывшей княжеской столицы Мекленбурга. Гельмольд прямо сообщает, что народ не желал утверждать князьями Бутуя и Генриха, опасаясь репрессий с их стороны. Возглавив языческое восстание, Круту в короткий срок удалось не только избавиться от немецкой зависимости все балтийско-славянские племена, включая северных и южных велетов, но и перейти в наступление, разрушить два главных опорных пункта саксонцев в их завоевании и христианизации славянских земель – Гамбург и Шлезвиг – и вновь завоевать Нордальбингию, сделав данниками славян три саксонских племени. Такой успех мог быть возможен лишь при массовой народной поддержке Крута славянским населением, а итоги его успешных войн и «возмездия» ненавистным саксам – только способствовать его дальнейшей популярности в народе. Будивой же в войне с Крутом на поддержку славян рассчитывать не мог и по этой причине использовал набранные в Бардовике и Нордальбингии саксонские войска. Детали описаний сражения с Крутом у Плуны говорят о том, что изначально Крут не собирался его убивать, возможно, по причине его княжеского происхождения. Окружив крепость, он тем не менее не предпринял попытки захватить её силой, а позаботившись о том, чтобы осаждённые не смогли покинуть её на лодках, приготовился ждать, когда голод выведет к нему Будивоя живым по мосту.

Как признаёт и сам Гельмольд, неожиданным поворотом событий стало совершённое Будивоем или его войсками изнасилование женщин Плуны. Примечательно, что хотя Гельмольд и называет Крута повсюду разбойником и другими нелестными словами, именно к нему женщины города Плуны обращаются в надежде на справедливый суд. Не менее удивительным кажется и мгновенное исполнение Крутом этого суда, уже совершенно не взирая на княжеское происхождение Будивоя. Последнее на самом деле представляло из себя совершенно не характерную для ободритов ситуацию. Князья ободритов, особенно те из них, кто по происхождению имел право на титул короля (в древнерусской терминологии соответствующий титулу великого князя) достаточно часто погибали в результате заговоров или смут, однако, как правило, эти убийства не производились руками конкурирующих князей напрямую. Так, в смерти Уто/ Прибигнева был повинен некий «сакс-перебежчик», в смерти его сына Готтшалька – его тесть Блуссо, после этого и сам устранённый конкурентами, так и в смерти сына Генриха, внука Готтшалька Гельмольд винил коварство некоего сакса-нордальбинга.

Ещё более показательно в этом плане и рассказ Саксона Грамматика о третьем сыне Никлота, предателе-христианине Приславе, перешедшем на сторону данов и бывшем проводником датского войска в походе 1160 года. Во время осады крепости Никлота Вурле, видимо, как раз во время его убийства, другой его сын Прибислав отправился к устью Варнова, чтобы встретить и не дать пройти к осаждённому Вурле датскому флоту, вошедшему в гавань Росток, где встретился со своим братом Приславом и бранил его за предательство. Несмотря на такое отношение к нему в славянских землях, даже членов своей семьи, Прибислав был полностью уверен в своей безопасности. Так, он предостерегал данов от углубления в ободритские земли, где им могла угрожать большая опасность от действовавших в окрестных лесах отрядов Пробислава, самому же ему, по его мнению, ничего не угрожало, *«так как происхождение его было настолько высоко, что ни один славянин не осмелился бы причинить ему вреда»*.

Учитывая, что убийство представителей королевского, княжеского рода считалось у ободритов совершенно недопустимым ни при каких обстоятельствах, убийство Бутуя лично

Крутом, точнее – его суд над Бутуем, кажется в этом плане совершенно уникальным и особым случаем. Не удивительно, что в глазах славянского населения своей страны Крут должен был выглядеть освободителем и защитником, способным отстоять их интересы. Едва ли может быть случайным, что Крут был единственным правителем ободритских земель начиная с середины XI века, при котором подвластные ему славянские племена не поднимали восстаний.

Кроме старигардской и плуньской земель, Гельмольд сообщает и о других, менее значительных, областях Вагрии: Сусле, Утине, Лютьенбурге, о которых практически не сохранилось современных славянам описаний. Северо-восточная граница Вагрии проходила по устью реки Травы и городу Любице, за которым начинались земли «ободритов в узком смысле», а юго-восточная – по Ратцебургскому озеру, откуда начинались земли полабов.

Любица и ободритский король Генрих

Город Любица, ныне называющийся Любеком, был расположен у южного края Вагрии, у слияния рек Травы и Свартов (совр. Schwartau). В конце XI века Любица стала столица всех ободритов, будучи перенесённой сюда князем Генрихом из Мекленбурга, однако история города началась гораздо раньше. На основании дендрохронологических анализов брёвен любекской крепости, основание её относят к 819 году (Dulinicz 2006, S. 46), в письменных же источниках Любица появляется много позже. Впервые Любек появляется в хронике Адама Бременского:

«Травена – это река, которая протекает через земли вагров и впадает в Варварское море», – сообщается в схолии 12 (13). – На этой реке расположены единственная гора Альберк и город Любек».

Крепость в Любеке была тесным образом связана с христианскими князьями ободритов. Адам сообщает, что уже во время правления князя Готтшалька, вернувшегося из датского изгнания (1043–1066), в Любице (Leubice) имелись христианские монастыри (Адам, III, 19). Сам город поставлен им в ряд с наиболее значительными, подчинёнными ободритам городами того времени – Старигардом, Ратцебургом и Ленценом. В 1066 году произошло языческое восстание, в результате которого Готтшальк был убит, а к власти пришёл язычник Крут. Сложно сказать, как эти события отразились на истории Любицы. Адам и Гельмольд сообщают о репрессиях на христиан и разрушение церквей, произошедшие в ходе восстания в главных городах и христианских центрах ободритов после смерти Готтшалька – Мекленбурге, Ратцебурге, Ленцене – однако ни тот ни другой хронист ни словом не обмолвились о происходившем в это время о Любице, так же бывшей значительным христианским центром.

Тем не менее, указание на то, что во всей ободритской стране были разрушены христианские церкви и подвергнуты гонениям христиане, позволяет предположить, что тоже самое должно было произойти и в Любице. Возможно, в ходе славянского восстания город был даже разрушен, так как Круто во время своего правления построил напротив Любицы, всего в 5 км южнее старого города, у географически очень схожего места на слиянии рек Травы и Вокуницы (совр. Wakenitz) новую крепость, название которой Гельмольд передаёт как Буку, а Винцентий Кадлубек – как Буковец. Несмотря на то, что начиная с XI века Любица и Буковец неоднократно упоминаются, а ход событий в ободритских землях с начала XII века достаточно подробно описан в «Славянской хронике», проследить историю города оказывается непросто.

Гельмольд сообщает о том, как в конце XI века, Генрих, набрав у данов флот, принялся разграблять «всю приморскую область славян», в том числе и город Старигард (Гельмольд, I, 34), упоминая о не менее, чем трёх таких походах. По всей видимости, в это время должна была быть разрушена и крепость Крута Буковец, простоявшая, таким образом, менее 3 десятилетий, так как далее Гельмольд сообщает об обнаружении руин Буковца саксонским графом Адольфом и возведении на их месте уже немецкого города Любек в 1143 году:

«Граф Адольф пришел в место, которое называется Буку, и обнаружил здесь вал разрушенного города, который был выстроен злодеем божьим Крутом, и остров, окруженный двумя реками. Ибо с одной стороны его обтекает Травна, с другой – Вокница, у обеих болотистые и недоступные берега. С той же стороны, где путь пролегает по суше, находится небольшой холм, спереди загороженный валом крепости. Увидев столь удобное место и превосходную гавань, сей ревностный муж начал строить здесь город и назвал его Любек, потому что от находился неподалеку от старого порта и города, которые некогда выстроил князь Генрих» (Гельмольд, I, 57).

Разрушивший Буковец Генрих (1093–1127) тем не менее возвёл новую крепость на его месте, а на месте старой Любицы, в чём можно увидеть семейную традицию. Любица была важным христианским центром и княжеской ставкой отца Генриха, Готтшалька. Возможно, что разрушение её Крутом и возведение новой крепости уже на другом месте имело в том числе и символический характер – место, связанное до этого с властью христианской ободритской династии и, возможно, ассоциировавшееся с насильственной христианизацией ободритов, было уничтожено, как были изгнаны и сами потомки Готтшалька. Однако стратегические и экономические выгоды расположения крепости в этом месте должны были, независимо от идеологических противоречий, быть очевидны как христианским, так и языческим славянским князьям. Видны они были, как показывает приведённый выше отрывок и сменившим здесь славян немцам. Потому выбор Генриха в восстановлении города на месте христианского центра его отца, помимо стратегических и экономических интересов, мог также носить и символический характер – Крут, а вместе с ним и язычество, были повержены, оплот их уничтожен и, восстановив власть династии Готтшалька, Генрих восстановил и его город.

Перенос столицы из Мекленбурга в Любек Генрихом скорее всего мог быть связан с мерами личной безопасности. Христианская династия ободритских князей, к которой принадлежал Генрих, была крайне непопулярна в народе, остававшемся по преимуществу язычниками. Всего несколькими десятилетиями ранее из Мекленбурга с позором была изгнана Зигрид, мать Генриха. Гельмольд говорит об изгнании вместе с ней и «других женщин», возможно, имея в виду христианских монахинь мекленбургского женского монастыря или свиту Зигрид. В последнем случае кажется возможным, что вместе с ней мог быть изгнан из Мекленбурга и сам, возможно, ещё малолетний (дата его рождения неизвестна) тогда Генрих.

После убийства Крута и захвата власти, Генриху пришлось столкнуться с повсеместными восстаниями подвластных ранее Круту славянских племён и подавлять их силой. Память об убийстве отца в «языческом» Ленецене, после неудачной попытке превратить его в христианский город, или о позоре, оскорблении и изгнании его семьи из Мекленбурга, могли стать причиной переноса княжеской резиденции Генрихом в заново отстроенную и уже чисто христианскую Любицу, где он мог бы не опасаться разделить судьбу отца от рук ещё вчера бывших язычниками придворных.

Таким образом, современный немецкий Любек стоит на месте Буковца, крепости Крута. На месте же генриховской, некогда богатой и известной Любицы, в одном из окраинных районов современного разросшегося немецкого Любека сейчас только пустырь. В XII веке генриховская Любица переживает два нападения рюгенских славян. Первый поход, относящийся ко времени правления Генриха, заканчивается для рюгенцев полным поражением. Судя по всему, этот поход рюгенских славян на Любицу был попыткой снова сместить христианскую династию Генриха. Любопытным образом история двух крепостей в устье Травы – Любицы и Буковца – является как бы и отражением противостояния двух династий. Немецкие историки XVI века, Томас Кантцов и Николай Маршалк, были уверены в происхождении Крута с острова Рюген. Источники их не совсем ясны, однако такая версия очень хорошо вписывается в общий ход истории и могла бы объяснить многие неясные моменты. Указание на рюгенское происхождение Крута и его династии можно усмотреть и в хронике Гельмольда. Гельмольд сообщал о давней вражде, связывающей династию Крута и Генриха, в результате чего их потомки продолжили воевать друг с другом и после смерти Генриха. В отрывке I, 48 Гельмольд сообщает о разрушении Любицы во времена сына Генриха Святополка (между 1127 и 1129 гг.):

«Священник Вицелин, видя, что князь славянский обращается с христианами человеколюбиво, пришел к нему и снова повторил ему намерение, на выполнение которого было

получено некогда согласие его отца. Добившись у князя благосклонности, он послал в Любек достойных пастырей, Людольфа и Фолькварда, чтобы они заботились о спасении народа. Они были милостиво приняты купцами, немалое число которых привлекли сюда вера и благочестие князя Генриха, и поселились в церкви, расположенной на холме, что напротив города, за рекой. Прошло немного времени, и вдруг на не защищенный кораблями город напали раны и разрушили его вместе с крепостью. Достойные пастыри, когда язычники ворвались в церковь через одну дверь, ускользнули через другую и, спасшись благодаря близости леса, бежали в порт Фальдере».

В отрывке же I, 55 Гельмольд почти дословно повторяет историю с разрушением Любека и бегством из него священников в Фальдере, однако помещает это событие уже во времена Прибислава (около 1138 года):

«Священник же Людольф и те, которые находились с ним в Любеке, не были разогнаны этим опустошением, потому что жили в замке, под покровительством Прибислава, оставаясь в этом месте и в такое трудное и полное ужасов смерти время. Ибо кроме того, что им приходилось испытывать нужду и ежедневную опасность для жизни, они были вынуждены видеть оковы и различные мучения, причинявшиеся христианам, которых разбойничье войско обычно в разных местах захватывало. Некоторое время спустя пришел некий Раце, из рода Крута с войском, рассчитывая захватить в Любеке врага своего, Прибислава. Ибо два эти рода, Крута и Генриха, вели между собой борьбу за первенство. Но поскольку Прибислав все время находился вне Любека, то Раце со своими разрушил крепость и окрестности. Священники же, укрывшись в тростнике, нашли убежище в Фальдере».

Нетрудно заметить, что имена священников, бежавшего из Любицы перед разрушением её язычниками, в обеих историях одинаковы: в первом случае это Людольф и Фольквард, во втором – Людольф и «те, что находились с ним в Любеке». В обеих историях одинаковы не только главное описываемое событие – разрушение христианской Любицы язычниками (и род Крута и рюгенские славяне были ярыми противниками христианства), но даже и детали вроде бегства священников в Фальдере и укрытие их в во время побега в тростнике. Кажется крайне маловероятным, чтобы Любица была разрушена в течение десятка лет дважды подряд, и оба раза в ней оказались священники с одинаковыми именами, которым оба раза удалось одинаково чудесным образом бежать в одно и то же место. Очевидно, что Гельмольд попросту два раза рассказывает одну и ту же историю. Вполне естественно, что монаха Гельмольда судьба его коллег-священников и их чудесное спасение волновали и интересовали куда более, чем разрушение города и происхождение разрушивших его язычников. Вероятно, эту историю он мог услышать непосредственно от самих священников или других христиан в Фальдере, где он нередко бывал, но не совсем понял или спутал точное время, когда с ними произошла эта история.

После смерти Генриха в королевстве ободритов началась смута. Между сыновьями Генриха, Звенике, Кнудом и Святополком разразилась междоусобица за наследство отца, в результате которой все трое погибли. Династическая линия Генриха на этом прервалась и на власть теперь претендовали более далёкие родственники – племянник Генриха Прибислав и Никлот, о родственных связях которого с Генрихом Гельмольд ничего не сообщает. Сам Генрих, бывший сыном Готтшалька от датской принцессы Зигрид, был, таким образом, наполовину даном и поддерживал с датским королевским домом близкие отношения, долгие годы прожив в датском изгнании и восстановив свою власть также с помощью датского флота. Возможно, это обстоятельство привело к тому, что датский королевский дом считал себя вправе претендовать на ободритский престол.

В 1129 году датский король Кнуд Лавард заточает в темницу оставшихся в живых ободритских князей Прибислава и Никлота, а сам, выкупив право быть королём ободритов у императора Лотаря за большие деньги. Однако правил он недолго и умер уже в 1131 году.

После этого ободритское королевство было разделено между Прибиславом и Никлотом, вернувшимися из плена. Прибислав, бывший племянником

Генриха и сыном убитого Крутом Будивоя, принадлежавший таким образом к христианской династии Готтшалька, получил во владения земли к западу от Травы, в том числе и Любицу. Во время очередной смены власти у ободритов потомки Крута предприняли попытку сместить своего «кровного врага» Прибислава. Разрушение Любицы князем Раце из рода Крута Гельмольд связывает именно с враждой обеих династий и охотой, устроенной потомками Крута на Прибислава. В другом отрывке Гельмольд сообщает, что до Прибислава (видимо между смертью Кнуда Лаварда и разделом ободритского королевства между Прибиславом и Никлотом) в другом важнейшем, доставшемся ему городе, Старигарде правил князь Рохель из рода Крута. Сообщается, что в правление Рохеля в Старигарде в священной роще бога Прове/Проне был жрец по имени Мике. В правление же Прибислава описывается история с вырубкой священной рощи, что и понятно – происходивший из династии Крута Рохель должен был быть язычником, в то время, как Прибислав был христианином.

Другими словами, в 1127–1138 гг. происходили постоянные смуты, междоусобицы и смены власти, так, что перепутать смуту между славянскими князьями времён Святополка с противостоянием славянских князей во времена Прибислава, Гельмольду было не так уж и трудно. Некоторые детали, сообщаемые им в других местах, позволяет восстановить ход событий таким образом, что Любица была разрушена в это время лишь один раз – в 1138 году. Так, Гельмольд сообщает о посещении Кнудом Лавардом Любицы во время его правления ободритскими землями (1129/1131), подробности которого позволяют пролить свет на всю историю: *«Прибыв же в Любек, он [Кнуд Лавард] велел освятить здесь в присутствии достопочтенного Людольфа и других, которые были переведены сюда из Фальдеры, церковь, построенную еще при Генрихе»* (Гельмольд, I, 49).

Учитывая, что в 1129–1131 гг. существовала не только сама крепость Любицы, но в ней стояла невредимой и построенная ещё при Генрихе церковь, разрушение Любицы язычниками едва ли могло придтись на время Святополка (1127–1129). Таким образом, разрушение Любицы должно было произойти при Прибиславе в 1138 году, Гельмольд же попросту перепутал датировку событий, изначально поместив их во времена Святополка. Возможно, что он и сам понял свою ошибку, но не стал переписывать и уничтожать уже написанное, а попросту поместил сообщение (всё-таки отношение к письменному труду было в его времена совсем иным, чем сейчас) о разрушении Любицы второй раз уже правильно. Установленное, таким образом, тождество рассказов Гельмольда о разрушении Любицы в отрывках I-48 и I-55 вместе с тем обозначает и тождество армии рюгенских славян с армией потомка Крута Раце, что даёт уникальный ключ к пониманию истории южной Балтики в ХВ XII века.

Если потомки Крута были рюгенскими славянами, то логично будет предположить, что и сам он был рюгенским князем, как о том и писали в XV1 веке немецкие историки. Противостояние династий Готтшалька и Крута, наполнившее собой жизнь всей южной Балтики почти на целый век, в этом свете представляется борьбой за контроль над славянскими племенами от Вагрии до Одры не только между язычниками и христианами, но и между ободритами и рюгенскими славянами. Поход рюгенских славян на Любицу при Генрихе был в таком случае вполне ожидаемой попыткой потомков Крута взять реванш, отомстить за его убийство и вернуть себе власть над ободритскими землями. О этих их планах Гельмольд сообщает прямым текстом:

«Раны же, у других называемые рунами, – это кровожадное племя, обитающее в сердце моря, преданное сверх всякой меры идолопоклонству. Они занимают первое место среди всех славянских народов, имеют короля и знаменитейший храм. Именно поэтому, благодаря особому почитанию этого храма, они пользуются наибольшим уважением и, на многих налагая дань, сами никакой дани не платят, будучи неприступны из-за трудностей сво-

его месторасположения. Народы, которые они подчинили себе оружием, принуждаются ими к уплате дани их храму. Жреца они почитают больше, чем короля. Войско свое они направляют, куда гадание покажет, а одерживая победу, золото и серебро относят в казну бога своего, остальное же делят между собой. И вот, побуждаемые стремлением к господству, они пришли в Любек, чтобы завладеть всей вагирской и нордальбингской землей» (Гельмольд I, 36).

В случае, если вражда династий Генриха и Крута длилась к началу XI века уже несколько десятилетий и стоила обеим сторонам немалых сил, становится ясно и то значение, которое Генрих придал победе над рюгенскими славянами под Любицей, приказав праздновать день этой победы с тех пор ежегодно и сделав, таким образом, национальным праздником ободритов. Однако противостояние Рюгена и Любицы на этом не прекратилось. Не многим позже рюгенскими славянами был убит сын Генриха, Вольдемар, что в контексте постоянного истребления друг друга представителями рюгенской и ободритской династий совсем не удивляет. После убийства сына Генрих уже сам предпринимает поход на Рюген и подчиняет рюгенских славян своей власти, становясь единовластным правителем всех земель от Северного моря до устья Одры или ещё далее на восток. После смерти Генриха, во время многочисленных смут, потомки Крута предпринимают попытку взять реванш. Рохелю из рода Крута удаётся закрепиться в Старигарде, а Раце, охотясь на Прибислава, окончательно уничтожает «семейную крепость» князей династии Готтшалька Любицу.

Археологическое изучение крепости старой Любицы началось ещё в XIX веке. Уже первые раскопки, проводившиеся в 1852–1867 гг. священником К. Клюгом, выявили фундамент построенной Генрихом каменной церкви. В 1882 году раскопки продолжил любекский инженер Э. Арндт, в результате чего были обнаружены остатки деревянных конструкций, указывавший на поселение за пределами крепости. В 1906 и 1908 гг. раскопки в Любеке проводил В. Онезоре. Последний этап исследований пришёлся уже на послевоенное время 1947–1950 гг., начавшись под руководством польской исследовательницы А. Карпиньской и продолженный В. Хюбнером и другими немецкими исследователями. Было выявлено три периода существования крепости, а само её основание датируется 819 годом. Находки в культурных слоях были представлены в основном керамикой: лепной в наиболее раннем слое и гончарной средне- и позднеславянской в двух последующих слоях. Наиболее значительные и богатые находки были сосредоточены в церкви или в непосредственной близости от неё. Как рядом с церковью, так и внутри неё был найден ряд погребений, очевидно, принадлежавший знатым христианам из окружения Генриха. О высоком статусе посещавших церковь и погребённых в ней людей говорят находки 6 золотых височных колец, 4 золотых перстней, христианской паломнической реликвии в виде раковины, серебряной монеты и железной чаши. Один из золотых перстней содержал надпись Thebal Cuttani. Такие перстни известны в западной Европе в связи с высшей знатью и духовенства. В двух известных случаях носителями колец «Тебал» в раннесредневековой Германии были немецкий император и епископ.

Сама церковь отличалась от прочих, известных в то время в северной Германии, своими малыми размерами и архитектурой. Так, в частности, неясной остаётся предназначение фундамента ещё одной стены равной церкви по ширине, и проходящей снаружи параллельно её задней стене. Исследование известковой породы, показало, что материал для церкви был привезён не из известном в то время месте добыче на горе Зегеберг в Вагрии, а с датских островов. В происхождении не характерной формы также подозревается датское влияние, либо же самостоятельное развитие в славянских землях. Связи с Данией тем не менее выглядят более, чем естественно, принимая во внимание датские корни самого Генриха и долгие годы, проведённые им в датском изгнании. Перед крепостью находилось довольно обширное ремесленное поселение-посад с указаниями на токарную резьбу по дереву, обработку

кожи и кузнечное дело (Neugebauer 1965, S.181–212). Среди наиболее интересных находок в ремесленном поселении можно отметить раскопки мастерской резчика по дереву, в которой кроме уже готовой продукции и заготовок был найден необычный резной гребень со стилистическими изображениями по всей видимости мифологических сюжетов.

Находки из крепости Старой Любицы: 1) золотой перстень с надписью *Thebal Cuttani*; 2) золотой перстень с резной звериной головой; 3) пряслице из овручского шифера; 4) резной гребень с языческими мотивами (по: Neugebauer 1965, Heiden und Christen 2002)

Исходя из немногочисленных сообщений в хрониках Адама и Гельмольда, граница между варами и ободритами проходила по реке Траве. Судя по тому, что при разделе ободритских земель между Прибиславом и Никлотом, Прибиславу достались Вагрия и Полабье и ему же принадлежали города Старигард и Любица, получается, что или сами ободриты относили Любицу уже к Вагрии или же приграничный ободритский город достался Прибиславу как традиционная семейная резиденция христианской династии Готтшалька, к которой он принадлежал, будучи внуком Готтшалька и племянником Генриха. Таким образом, после смерти Кнуда Лаварда и прихода к власти в Вагрии Прибислава, Любица на короткий период с 1131 до разрушения её в 1138 году должна была стать столицей Вагрии. Столицей всего государства ободритов этот город был с 1093 до 1127 или 1131 года.

Полабы и смельдинги

К югу от Вагрии и ободритских земель проживало племя полабов, именовавшееся так по месту проживания, реке Эльбе, по-славянски называвшейся Лабой. Возможно, что название полабы было собирательным для нескольких более мелких славянских племён. Первые полабы упоминаются лишь в XI веке: в грамоте короля Генриха 1062 года упоминается земля Полабов (pago Palobi) (MUB, 1062, S. 27), а в 1070-х о «провинции Полабингов», как и о самих полабингах, сообщает Адам Бременский. В более ранних источниках полабы неизвестны, но на протяжении IX века, к югу от ободритов на Эльбе неоднократно упоминается племя смельдингов, по всей видимости, населявших местность в районе современного городка Дёмиц, и бывших, начиная с конца VIII века, составной частью ободритского государства. Первое их упоминание сообщает уже об их отложении от ободритов во время датско-велетского нападения 808 года. В этом же году, оказывая союзническую помощь ободритскому князю Дражко, с ними воюет сын Карла Великого. В 809 году Дражко с помощью саксонского войска удаётся снова подчинить себе смельдингов, осадив их столицу. Название этой столицы анналы Муассака передают как «Конобург» (smeldinc-conoburg/Smeldingonoburg). Последняя часть слова, – бург – немецкого происхождения и обозначает «город». Оставшаяся часть «Коно» позволяет предположить, что славянским названием столицы смельдингов могло быть «Конов», или же речь идёт и вовсе не о славянском названии города, а в латинский текст попросту было вставлено немецкое слово, обозначающее «город смельдинконов». Именно в такой форме Smeldingon, смельдинги последний раз упоминаются во второй половине того же IX века. Баварский Географ называет их вместе с другими мелкими племенами, жившими на юге современного Мекленбурга: *«Linaa – народ, имеющий 7 городов. Рядом с ними находятся те, которые называются Bethenici, Smeldingo u Morizani, имеющие 11 городов»*.

В случае, если анналам Муассака была известна та же форма названия смельдингов, что и Баварскому Географу, то название Smeldingono-burg должно было попросту быть немецким обозначением «города смельдингов». Все перечисленные Баварским географом племена жили к юго-востоку от ободритов. Линоны жили в районе современного города Ленцен на Эльбе, в Средневековье бывшего их столицей. Моричане – на озере Мюриц, возможно, бывшем юго-восточной границей ободритов или же имелось в виду племя Mortsani, жившее к югу от бенетичей и стодорян, выше по Эльбе, где-то в районе Магдебурга. Бетеничи населяли историческую область Прингиц на Эльбе, в районе современного города Гавельберг и известны впоследствии как prissani. Область расселения смельдингов, ранее упоминавшихся на Эльбе в одном ряду с линонами, таким образом, можно определить, как нижнее течение Эльбы, к западу от линонов (так как земли к востоку от них были заняты бетеничами и моричанами), от современного города Дёмиц на востоке и до Гамбурга на западе. На севере их граница могла достигать Шверинского и Ратцебургского озёр. Несколько сложнее дело обстоит с южной границей. Уже в VII–VIII веках земли к югу от Эльбы, составлявшие северную часть исторической саксонской области Барденгау, достаточно плотно заселяли славяне, жившие там ещё в XVIII веке и позднее известные как древане. Они должны были занимать эти земли уже во время первых упоминаний ободритов, смельдингов и линонов, однако не упоминаются в то время ни в одном из источников как отдельное племя. Можно было бы предположить, что славяне, впоследствии ставшие известными как древане или жители Ганноверского Вендланда, были потомками смельдингов и линонов, расселение которых изначально выходило за Эльбу, что, однако, не было зафиксировано в письменных источниках в силу известных особенностей франкского проведения границ.

Управлявшие огромной, включавшей в себя множество народов империей, франки рассматривали и называли земли по их историческому названию или административному делению, что нередко не совпадало с этнической принадлежностью их населения. Границы таких областей указывались по наиболее выразительным географическим ориентирам – большим рекам, горам или лесам – и могли не совпадать при этом с расселением племён. Так, как границы со славянами упоминаются *limes saxoniae* и *limes sorabicus* – «саксонская» и «сербская» границы. Однако достоверно известно, что славянское расселение уже во времена их первого упоминания выходило далеко за обе эти границы. То есть, эти территории продолжали называться Саксонией и Тюрингией даже когда собственно саксов и тюрингов в некоторых их областях уже не жило. Так и в IX веке, когда

Франкские анналы называют реку Эльбу границей Саксонии, славяне уже жили к югу и западу от неё повсеместно и построенные в этот период франкские крепости «на границе» (Хохбуки, Бардовик, Магдебург) оказались немецкими колониями в окружавших их со всех сторон заселённых славянами областях. В 795 году Франкские анналы сообщают о походе Карла Великого в интересующий нас регион – будущие земли древан к югу от нижнего течения Эльбы. Он остановился предположительно где-то в районе Бардовика в ожидании ободритского князя Витцана, попавшего в засаду и убитого саксами при переправе через Эльбу, как раз в районе, уже в немалой степени заселённом славянами, предками будущих древан.

Исходя из того обстоятельства, что Франкские анналы описывают этот поход Витцана, как поход в Саксонию, но вместе с тем знают и жившие по Эльбе племена линонов и смельдингов, можно заключить, что под племенами смельдингов и линонов франкские источники подразумевают только славян, живших к северу от Эльбы, не зависимо от того, в каком родстве они в то время находились со славянами северной Саксонии. Обращает на себя внимание, что предки живших к югу от Эльбы древан вообще не упоминаются как отдельная политическая сила. Не только в ранних Франкских анналах, но и у более поздних и куда более детальнее разбиравшихся в живших в нижнем течении Эльбы славянах хронистов вплоть до XII века эти земли упоминаются просто как Саксония, а то и вовсе – один из её политических и экономических центров.

На славянское заселение к югу от нижнего течения Эльбы указывает разве что брошенное вскользь Адамом замечание о том, что *«река Эльба в среднем течении отделяет язычников от саксов»* (Адам, II, 22(19)) – из чего выходит, что язычники, не бывшие саксами, должны были населять все земли к западу от Эльбы за исключением района Магдебурга. Но когда, к примеру, Гельмольд описывает бегство ободритского князя Будивоя «к саксам бардам» или упоминает Брунзовик (Бардовик) как один из наиболее значительных саксонских городов, уже совершенно невозможно догадаться, что этот город был саксонской колонией в густонаселённой славянами области, славянское население и деревни которой так отчётливо прослеживаются как по дарительным грамотам, так и по топонимике, начиная с раннего Средневековья, и сохранялись там чуть не до XVII–XVIII вв. При этом жившие к югу от Эльбы славяне вполне могли в этническом плане быть как частью племени ободритов, зашедших в процессе колонизации далее других на юг, так и смельдингов, линонов или велетов. Культурные и языковые различия между этими племенами в раннем Средневековье, несмотря на чёткое их различие хронистами, были слишком малы, чтобы можно было проследить их археологически или лингвистически по топонимике. Достаточно точно можно сказать лишь, что земли эти не подчинялись ободритам, начиная с первой трети IX века, потому, едва ли их имеет смысл рассматривать как «ободритские».

Не совсем ясным остаётся и то, были ли смельдинги ободритским племенем, или же имели изначально иное происхождение и в какой-то период были включены в ободритское государство силой, подобно линонам. За последнее говорит то обстоятельство, что во всех

источниках они упоминаются отдельно от ободритов. Притом, что современные упоминания смельдингов франкские источники знают о делении ободритов на две группы – северных и восточных – даже и так, они представляют их единым племенем с единым самоназванием, а не союзом племён. На фоне выделения отличного от ободритов названия племени смельдингов должно было иметь какие-то причины. Так же и в 2 из 3 упоминаниях смельдингов сообщается об их войнах с ободритами и насильственном подчинении последними первых. С другой стороны, из франкских источников выходит, что смельдинги в IX веке населяли примерно те же территории, что впоследствии стали известны как земли племени полабов, бывших частью ободритов – где-то, не совсем определённо, к югу от Ратцебургского и Шверинского озёр, на юге до Эльбы, между Гамбургом и Дёмитцем. Смельдинги упоминаются в этих землях к северу от Эльбы до конца IX века, а полабы – начиная со второй половины XI века, так, что складывается впечатление, что «полабы» могло быть просто более поздним названием смельдингов.

О самих полабах известно немногим более, чем о смельдингах. Первые более-менее подробные упоминания о них содержатся в хронике Адама, который называет их полабингами:

«Славянские племена весьма многочисленны; первые среди них – ваигры, граничащие на западе с трансальбианами; город их – приморский Ольденбург. За ними следуют ободриты, которые ныне зовутся ререгами, и их город Магнополь. Далее, также по направлению к нам – полабинги, и их город Ратцебург. За ними [живут] линоны и варнабы» (Адам, II, 21(18)).

Таким образом, полабинги населяли область к востоку от линонов с их городом Ленцен, находясь в юго-западной части ободритских земель, между ободритами и Гамбургом. Само их название (по [реке] Лабе) недвусмысленно говорит о том, что их земли должны были простираться до Эльбы. Их столица Ратцебург в таком случае должна была располагаться на самом северо-западном краю их земель. Привлекает внимание и форма их наименования *polab-ing-i*, содержащая тот же суффикс – *ing*, что был до этого известен и в форме *smeld-ing-i*. Суффикс – *ing* широко применялся в германских языках для обозначения связи групп людей с населяемыми ими территориями или правителем. В случае полабингов, кажется логичным происхождение такой формы от славянского названия местности Полабье (земли по реке Лабе; латинское *pagus Polabi*, где, очевидно, попросту были перепутаны гласные) и суффикса – *ing*, указывающего на принадлежность полабингов к Полабью. Другими словами, полабинги – могло быть германским названием жителей славянской области Полабье, как их называли, к примеру, соседние саксы.

Использование хорошо знавшим местность Гельмольдом в большинстве случаев уже формы полабы (*polabi*), при том, что им ни разу не употребляется ожидаемое славянское название племени «полабяне» (**polabani*, **polabini*; ср: название племени *Pomerani* – «поморяне» и название их провинции «Поморье»), вместо которого он употребляет неотличимую от хоронима форму названия племени *Polabi*, скорее также говорит о первичности названия местности Полабье, которое было больше на слуху, по отношению к названию племени. Форму полабинги Гельмольд упоминает лишь единожды в отрывке I, 20 и также в географическом контексте – *provincia Polabingorum* (провинция полабингов). Другими словами, скорее всего Полабьем называлась вся область к северу от Эльбы между Гамбургом, Дёмитцем, Ратцебургским и Зверинским озёрами. Эта область имела собственную столицу в Ратцебурге и, по всей видимости, могла управляться собственным, но признававшим верховную власть Мекленбурга или Старигарда князем, и «полабами» или «полабингами» назывались все жители этой области, возможно, изначально включавшей в себя несколько более мелких племён – тех же смельдингов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.